

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

METHODOLOGICAL ASPECTS
OF ANCIENT AND MEDIEVAL
CREMATIONS STUDY

9 November 2021
Moscow, Russia

ABSTRACT BOOK

Moscow, 2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЕМАЦИЙ

9 ноября 2021 г.
Москва, Россия

СБОРНИК ТЕЗИСОВ

Москва, 2021

УДК 902/904
ББК 63.4
М79

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *М. В. Добровольская*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *О. В. Зеленцова*
доктор исторических наук *А. В. Мاستыкова*

М79 Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций.
Сборник тезисов. М.: ИА РАН, 2021. 80 с.: ил.

ISBN 978-5-94375-378-7

В настоящем издании публикуются тезисы докладов, прочитанных на пятом заседании Всероссийского семинара «Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций», прошедшего в Институте археологии РАН 9 ноября 2021 года, а также краткий очерк истории возникновения и работы семинара в 2014–2020 годах. В докладах обсуждаются результаты новых исследований, проведенных с использованием данных о погребальных кремациях эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья.

Издание предназначено для археологов, историков, палеоантропологов, студентов исторических специальностей.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-378-7

DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-378-7

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2021
© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Добровольская М. В.</i>)	7
<i>Илюшин А. М.</i> Кремации в биритуальных традициях населения долины Ура в развитой бронзе	21
<i>Шалахов Е. Г.</i> О некоторых специфических ритуалах, сопутствующих сейминско-турбинским кремациям	27
<i>Алаева И. П.</i> Количественные показатели кремированных останков федоровской культуры Южного Зауралья	33
<i>Казанцева О. А.</i> Погребальные конструкции как элемент кремации	40
<i>Лукпанова Я. А., Добровольская М. В.</i> Характер термического воздействия на останки индивида из центрального погребения кургана 6 раннесарматского могильника Таксай 1	44
<i>Клеценко Е. А., Куцова Л. В., Свиркина Н. Г., Добровольская М. В., Гусева В. П., Крюкова Е. А.</i> Сожженные сарматские погребения V вв. до н. э.: методические аспекты изучения останков (по материалам 1 кургана III курганного могильника у с. Тощое Оренбургской области)	47
<i>Михайлова Е. Р.</i> Относительная стратиграфия кремаций и ингумаций в каменном могильнике Удосолово (раскопки 2013 г.)	53
<i>Добровольская М. В., Смирнов А. Л., Челобаева Е. О., Пророкова Е. Н.</i> Кремация полной сохранности из захоронения культуры псковских длинных курганов в истоках Волги и Западной Двины (курганый могильник Бервенец)	61
<i>Сыроватко А. С., Гусева В. П., Ужастова И. Р.</i> Усть-Матырка 1 – новый могильник с кремациями и его роль в понимании традиций погребальной обрядности I тыс. н. э.	66
<i>Биркина Н. А., Свиркина Н. Г.</i> Биритуальный могильник рязано-окских финнов	72
<i>Новиков В. В., Клеценко Е. А., Каинов С. Ю., Сагманова Г. М., Савченко И. А.</i> Разрушенные курганы по обряду кремации X в. на территории Гнездовского археологического комплекса: поиск, локализация, интерпретация	76

CONTENTS

Foreword (<i>Dobrovolskaya M. V.</i>)	7
<i>Ilyushin A. M.</i> Cremation in bi-ritual traditions of the Ur River valley population in the Advanced Bronze Age	21
<i>Shalakhov E. G.</i> The study of some specific rites accompanying the Seima-Turbino cremations	27
<i>Alaeva I. P.</i> Quantitative indicators of the cremated remains of the Fedorov culture of the Southern Trans-Urals	33
<i>Kazantseva O. A.</i> Burial constructions as an element of cremation	40
<i>Lukpalova Ya. A., Dobrovolskaya M. V.</i> The nature of the thermal effect on the remains of an individual from the central burial of kurgan 6 of the early Sarmatian burial ground Taksai 1	44
<i>Kleshchenko E. A., Kuptsova L. V., Svirkina N. G., Dobrovolskaya M. V., Guseva V. P., Kryukova E. A.</i> Methodological aspects of the study of remains from burnt Sarmatian burials of the 5 th century BC (based on materials from kurgan-1 of the III kurgan burial ground near the village of Totskoye, Orenburg region)	47
<i>Mikhailova E. R.</i> Relative stratigraphy of cremations and inhumations in the Udolovo stone burial ground (excavations of the 2013)	53
<i>Dobrovolskaya M. V., Smirnov A. L., Chelogaeva E. O., Prorokova E. N.</i> Long kurgans culture of the Pskov type: completely preserved cremation from the burial in the sources of the Volga and Western Dvina (Bervenets burial ground)	61
<i>Syrovatko A. S., Guseva V. P., Uzhasova I. R.</i> Ust-Matyrka 1: a new burial ground with cremations and its role in understanding the traditions of burial rites of the 1st millennium AD	66
<i>Birkinina N. A., Svirkina N. G.</i> Biritual burial ground of the Ryazan-Oka Finns	72
<i>Novikov V. V., Kleshchenko E. A., Kainov S. Yu., Sagmanova G. M., Savchenko I. A.</i> Ruined burial mounds according to the rite of cremation and inhumation, dating from the 2nd half of the 9 th to the 1st half of the 10 th century on the territory of the Gnezdovo archaeological complex. Search, localization, interpretation	76

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обряд трупосожжения – один из наиболее широко распространённых в культуре многих групп населения различных эпох, начиная с верхнего палеолита. Изначально разработка классических методик изучения останков человека основывалась, прежде всего, на изучении морфологически сохранных материалов (например, *Broca*, 1879). Кремации, сохранившиеся после совершения сожжения и погребения представляют собой категорию физических останков, требующих особых подходов и методов изучения с полевого этапа до лабораторного. Повышенный в последние десятилетия интерес к этим материалам связан с появлением новых методик. Тем не менее, было бы ошибочным считать, что изучение кремированных останков из погребальных памятников началось лишь в конце XX века.

Наиболее ранние описания кремированных останков из древних погребений относятся к XVII в. Британский исследователь сэра Томас Браун и немецкий ученый Мартин Фидрих Сейдель описывали урновые погребения (*Holck*, 1996, р. 19), а Кристиан Фридрих Рейх описал костные останки из урновых погребений на территории Пруссии (*Reusch*, 1724). К концу XIX – началу XX вв. относятся первые опубликованные научные описания кремаций в Германии, Дании, Швеции (*Holck*, 1996, Р. 20–21). В частности, в 1919 году Людвигом Хеделлем были описаны материалы из курганов Упсалы (*Holck*, 1996, р. 20). По мнению авторитетного исследователя кремаций из археологических памятников Пера Холка, первую научную методику описания и изучения кремированных останков из археологических памятников представил А. Врзосек (*Wrzosek*, 1928). В период между двумя мировыми войнами складывалась германская школа изучения погребальных кремаций; в послевоенное время материалы кремаций систематически исследуются в Швеции.

В России первый обобщающий труд по изучению кремаций прошлого был издан в 1892 году (*Правдзик*, 1892). Изучение кремаций было необходимо как для совершенствования судебно-медицинских методик, так и для проведения археологических исследований (см. обзор *Клещенко, Решетова*, 2019, С. 16–21). Изучение кремированных останков важно проводить в контексте конкретной археологической ситуации, поэтому это направление можно в полной мере считать междисциплинарным (*Добровольская*, 2010).

Очевидно, что огромные территориально – хронологические пространства, прежде всего раннего железного века и раннего средневековья, представлены только

трупосожжениями. Отказ от комплексного изучения кремированных останков значительно обеднил бы наши знания как о самом населении, практиковавшем сожжения останков, так и о погребальной обрядности многих археологических культур.

Инициативной группой сотрудников ИА РАН в марте 2014 года было внесено предложение:

«Уважаемые коллеги! В связи с активным привлечением новых методических подходов в изучении памятников, содержащих материалы кремации, а также актуализацией масштабных исследований погребального обряда с компонентом кремации, предлагается организовать институтский семинар «Исследования археологических памятников с материалами кремации», который бы мог объединять и систематизировать результаты наших работ в этом направлении.

Предлагаем провести первую встречу такого семинара и коллегиально обсудить такие рабочие вопросы как:

1. Регламент (доклады, периодичность встреч)
2. Наиболее актуальные вопросы в методике и общих вопросах культурной дифференциации.

С уважением, инициативная группа: М. В. Добровольская, О. В. Зеленцова, С. Д. Захаров, Е. А. Клещенко, А. В. Мастыкова»

Первое заседание семинара «Исследования археологических памятников с материалами кремации» состоялось 01 апреля 2014 года согласно запланированной повестке дня. В ходе него обсуждались формат и частота проведения последующих заседаний семинара, вопрос о методике полевого сбора материалов кремаций, её унификация; возможность систематически публиковать статьи по тематике семинара.

Уже 10 июня состоялось второе заседание семинара, в ходе которого были заслушаны доклады:

Е. А. Клещенко «Исследования материалов кремации в университетах Тюбингена и Констанцы. Методические аспекты исследований». М. В. Добровольская «Анонсирование коллекции материалов кремаций из хранения Группы физической антропологии».

Кроме того, были приняты к рассмотрению первые методические рекомендации по сбору и фиксации кремированных останков в полевых условиях. Приводим их ниже.

Рекомендации к методике сбора материалов кремации в полевых условиях

В ходе изучения погребальных памятников, святилищ и других культовых комплексов, а также слоев поселенческих памятников приходится сталкиваться с костными материалами, прошедшими ту или иную термическую обработку огнем: от обугленных фрагментов кухонных остатков до скоплений кремаций из погребений. Обожженная кость или объект, включающий костные структуры (тело, изделия с костяными вставками и пр.) – материал, требующий отдельных методов анализа.

Такая необходимость вызвана тем, что термически обработанная кость сохраняет информацию как о биологических особенностях скелета, так и о самой процедуре термической обработки. Объединение подобной информации позволяет получить биоархеологический источник.

Методика полевого сбора материала направлена на получение подробной информации о локализации кости (костей), а также сохранение самих костных материалов.

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся варианты материалов кремации. Это, прежде всего, скопление костных останков в погребальных памятниках. На схеме представлены три основных варианта депонирования кремированных останков, определяющие методику сбора материала.

1. Погребения в урнах. Наиболее правильным следует считать получение и сохранение урны с кремацией. Наилучший вариант предполагает разборку кремации, находящейся в урне, силами специалиста биоархеолога. Как показали исследования урновых погребений, в ряде случаев можно выявить определенный порядок заполнения урны. Для этого необходима работа специалиста. Очевидно, что в большинстве случаев мы сталкиваемся с поврежденными урнами, поврежденными погребениями. В этой ситуации важно полностью упаковать **все** содержимое урны в полиэтиленовый пакет, который в нескольких местах перфорирован для возможности постепенного высыхания заполнения урны. Если часть скопления кремированных останков находилась вне урны, важно собрать это скопление и запаковать отдельно с соответствующей маркировкой. Это правило в полной мере относится к скоплениям кремированных костей, которые могут быть обнаружены над урной, под урной, в стороне от урны. Промывать или просеивать материал не рекомендуется, так как это ведет к добавочной фрагментации материалов кремации. Мыть кости также не рекомендуется по той же причине.

Тяжелый глинистый грунт заполнения зачастую разрушает фрагменты кремированных костей. В случае сбора материала в погребениях с глинистым грунтом лучше его размочить, кости осторожно промыть, высушить и запаковать с указанием того, что была проведена промывка.

2. Погребения с локальным депонированием кремированных останков. Следует собирать все скопление **целиком** с указанием координат залегания. В том случае, если объем скопления значителен (ориентировочно – более 500 см³), следует указывать минимальные – максимальные координаты по всем трем осям. Важно не забыть перфорировать полиэтиленовый упаковочный материал.

3. Рассеянные кремированные материалы – представляют собой наиболее сложный вариант для полевого сбора. Основная трудность состоит в необходимости фиксировать пространства или поверхности распространения кремированных фрагментов. Если фрагменты сильно рассеяны, встречаются на большой площади, то их сбор включает следующее: помещение всех кремированных фрагментов с одного квадрата и одной глубины в отдельный пакет с соответствующей маркировкой. Если распределение кремированных фрагментов по площади и в объеме плотное, фрагменты

и группы фрагментов практически соседствуют друг с другом, то было бы полезно ввести дробную планиграфическую фиксацию, разбив каждый квадрат на четыре:

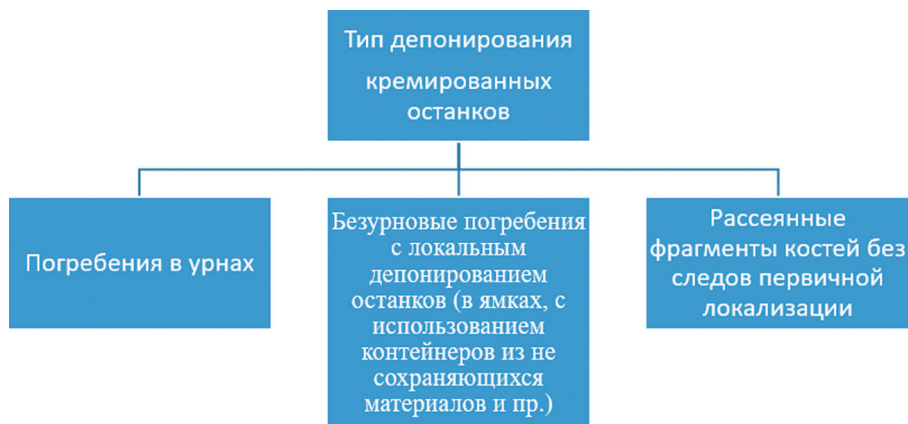
Схема квадрата (вариант):

α	β
γ	δ

В этом случае следует отдельно пакетировать все фрагменты кремации с одного малого квадрата, одной глубины.

В ряде случаев можно встретить ситуацию неполного перекрывания скоплений кремированных костей. Например, коллективное захоронение, в котором на полу погребального сооружения сыпаны скопления кремаций нескольких людей. Часть из них соприкасаются, образуя смешанную зону, а центральные области скоплений уверенно можно разделить. В этом случае необходимо пронумеровать скопления, нанесенные на план, собирать отдельно центральные части скоплений с указанием номера, а также зоны смещений, указывая номера смешанных скоплений.

Общие замечания: при сборе кремаций лучше брать скопления вместе с вмещающим грунтом, не мыть, так как это обеспечит более полный сбор и минимальное повреждение преимущественно хрупких фрагментов кремации.

Таким образом, семинар начал работать в формате институтского мероприятия. Как часто бывает, наиболее сложным становится продолжить начинание. Третье заседание семинара на тему «Кремации в погребальных традициях раннесредневекового населения лесной полосы Восточной Европы» состоялось 14 апреля 2016 года. В программу были включены следующие доклады:

1. Мастыкова А. В., Добровольская М. В., Юганов К. Л. (ИА РАН, Москва, Калининградский историко-художественный, Калининград). «Стратиграфия урнового

погребения поздне римского времени могильника Романово (Самбийский полуостров). К методике изучения».

2. Сыроватко А. С. (Коломенский археологический центр, Коломна) «Эволюция способов расчистки и фиксации кремаций в Щуровском могильнике: к чему привел наш собственный опыт».

3. Зеленцова О. В., Милованов С. И., Добровольская М. В. (ИА РАН, Москва). «Кремации из раскопок 2012–2014 гг. Подболотьевского могильника».

4. Пузаткина Е. А., Никитина Т. Б., Добровольская М. В. (Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, Йошкар-Ола, ИА РАН, Москва) «Новые черты погребального обряда средневековых марийцев: биоархеологические аспекты исследования».

Все четыре темы в дальнейшем были более полно раскрыты в других публикациях (Зеленцова, Милованов, Добровольская, 2017; Мاستыкова, Добровольская, Юганов, 2017; Никитина, Добровольская, Пузаткина, 2020)

В том же году Е. А. Клещенко была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Кремации как исторический источник в изучении погребального обряда населения молодого-Шекснинского междуречья I тыс. н. э.». Это событие продемонстрировало, что сбор и анализ массового материала по стандартизованным методикам позволяет делать выводы об определенных компонентах погребального обряда, что было невозможно без привлечения данных о самих кремациях. В 2019 году результаты диссертационного исследования были в полном объеме опубликованы в монографии Е. А. Клещенко и И. К. Решетовой «Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы» (2019).

В 2016 году в рамках ежегодной конференции Ассоциации европейских археологов Н. А. Макаровым и Р. Янкаускасом с коллегами была организована и проведена секция «After the flames. New approaches to the study of the Medieval sites with funeral cremations in Northern and Eastern Europe». В работе этой секции также приняли участие археологи из России, Литвы, Германии, Бельгии, Испании. В аннотации к докладам было отмечено, что «погребальный обряд трупосожжения особенно широко распространен в Восточной и Центральной Европе в раннем железном веке и средневековье. Наши знания о формах погребальной обрядности развиваются по мере совершенствования методов полевых и лабораторных исследований. Под термином «кремация» подразумеваются погребальные обряды, выражающиеся в самых различных формах депонирования костных останков. Для понимания особенностей культурной традиции, связанной с той или иной формой кремации, нам необходимо понимание многих параметров. Вот некоторые из них:

1. Территориальная приуроченность некрополя в контексте поселенческих и хозяйственных структур;

2. Характер депонирования останков (урна, яма, поверхность и пр.);

3. 3. Число индивидов в погребении и их половозрастные характеристики;
4. 4. Наличие костей кремированных животных;
5. 5. Полнота депонирования кремированных останков скелета.

Один из вариантов погребального обряда, получивший распространение на территории Северо-Восточной Руси, – погребения малых количеств кремированных останков людей и животных в поверхностных слоях. Этот почти «бесследный обряд» не фиксирует индивидуальные погребения».

Следует подчеркнуть, что вопросы о новых методиках изучения кремированных останков также обсуждались на нескольких последних конференциях Европейской ассоциации археологов. В центре внимания оказалась методика определения состава кремированной кости, ее достоверность, разрешающие возможности и перспективы (*Snoeck, Lee-Thorp, Schulting, 2014, Snoeck, et. al., 2016, 2018*). Так, с 2018 года по настоящее время на базе университетов Бельгии реализуется проект ‘CRUMBEL’ в рамках проекта ‘CRUMBEL’ изучаются коллекции кремированных костей, найденные в Бельгии и датируемые периодом от неолита до раннего средневековья, с использованием современных аналитических и геохимических анализов. Важнейшей частью этого проекта является внесение бельгийских коллекций в базу данных, включающую в себя как можно больше остеoarхеологической информации.

Опыт разборки урнового погребения, на тему которого был сделан доклад в ходе заседания семинара в 2016 году А.В. Мاستыковой с соавторами, стал основой для создания методики изучения урновых кремаций римского времени – раннего средневековья в Юго-Восточной Прибалтике (*Добровольская, Клещенко, Мاستыкова, 2017; Мاستыкова, Добровольская, 2017*).

Изучение изотопного состава стронция по материалам кремаций развивается в ИА РАН (*Добровольская и др., 2014; Добровольская, Макаров, Самородова, 2020; Мاستыкова, Добровольская, Антипина, 2021*). Данный подход позволяет оценивать индивидуальную мобильность людей и животных, останки которых составляют скопления кремированных костей. Другой интересный вопрос изучения памятника на основании изотопного состава стронция – является ли он местом захоронения людей, проживавших на одной территории (локальный могильник) или на разных (региональный погребальный центр)?

В 2018 году состоялось очередное, четвертое, заседание семинара. Его тема была обозначена следующим образом: «От первичной фиксации к реконструкции погребальной процедуры». В ходе заседания сотрудники ИА РАН и Коломенского археологического центра выступили с четырьмя докладами, которые обсудили участники заседания. В обсуждении преобладали методические вопросы (методика реконструкции погребального убора (Е. А. Клещенко), выявление тафономических факторов и низкотемпературное воздействие на костные останки (Т. Ю. Шведчикова), достоверность показателей массы кремаций для реконструкции обрядности (М. В. Добровольская)

Пятое заседание состоялось уже в 2020 году. Были заявлены следующие тематические направления

1. Полевые методы изучения и сбора кремаций;
2. Кремации в биритуальных традициях;
3. Формы хранения и каталогизации кремаций.

Мы констатировали повышение интереса к изучению материалов кремации. На площадке семинара объединились исследователи из шести городов России и трех стран (Россия, Беларусь и Германия) (https://www.archaeolog.ru/media/2020/konferencii_2020/seminar_kremacii). Эта встреча позволила нам как выявить наиболее активно разрабатываемые проблемы древностей эпох бронзы, раннего железного века и раннего средневековья, связанные с изучением этого археологического источника. Обозначены методические задачи, требующие первоочередной проработки. Возможно, одной из наиболее важных проблем остается ненадежность результатов радиоуглеродного датирования кремированных останков (Capuzzo, et al., 2020, Annaert, et al., 2020)

Также отметим, что в 2020 вышла в свет коллективная монография «Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях» (Методика..., 2020), разделы которой посвящены методике сбора, фиксации и шифровке различных типов кремаций.

В 2021 году в работу семинара были включены 11 сообщений, кратко представленные тезисами в настоящей публикации.

Итак, подытоживая анализ исследований материалов кремаций из археологических памятников, следует отметить, что за те восемь лет, на протяжении которых работает семинар, интерес к возможностям изучения кремированных останков существенно возрос, количество публикаций увеличивается. Все это внушает оптимизм в отношении будущего нашего семинара, которой стал площадкой для объединения специалистов, изучающих кремации. Так как достоверность заключений исторического содержания обеспечивается надежностью биоархеологических методов исследования, название семинара остается неизменным: **«Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций»**.

Предлагаемая публикация знакомит с сообщениями, подготовленными к шестому заседанию семинара.

ЛИТЕРАТУРА

- Добровольская М. В., 2010. К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения института археологии. Вып. 224. С. 85–97.
- Добровольская М. В., Клеценко Е. А., Богомолов Е. С., Захаров С. Д., 2014. Опыт применения изотопных исследований в изучении погребальных кремаций // Краткие сообщения института археологии. Вып. 236. С. 323–331.

- Добровольская М. В., Клеценко Е. А., Мاستыкова А. В.*, 2017. Методика изучения урновых кремаций римского времени – раннего средневековья в Юго-Восточной Прибалтике // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. С. 319–320.
- Добровольская М. В., Макаров Н. А., Самородова М. А.*, 2020. К оценке мобильности жителей Суздальского Ополя X – первой половины XII века // Археология, этнография и антропология Евразии 2020. Том 48. № 4. С. 106–115.
- Мастыкова А. В., Добровольская М. В.*, 2017. Изучение кремаций римского времени на Самбийском полуострове (Калининградская обл.) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». С. 675–676.
- Мастыкова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е.*, 2021. Воин и боевой конь у эстиев: первые результаты исследования «всаднического» погребения римского времени на могильнике Романово-Пугачевский пруд // *Stratumplus*. Вып. 4. С. 61–78.
- Зеленцова О. В., Милованов С. И., Добровольская М. В.*, 2017. Методические вопросы определения погребений по обряду кремации на примере раскопок 2012–2014 гг. Подболотьевского могильника 2017. Вып. 249. Часть II, С. 272–287.
- Клеценко Е. А., Решетова И. К.* 2019. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. М. В. Добровольская. М.: ИА РАН. 224 с.
- Мастыкова А. В., Добровольская М. В., Юганов К. Л.*, 2017. Могильник Шлакалькен-5: о культурно-хронологической преемственности памятников римского времени и эпохи великого переселения народов в северной части Самбийского полуострова // Краткие сообщения института археологии. Вып. 246. С. 28–52.
- Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях, 2020 / Отв. ред. М. В. Добровольская. М.: ИА РАН. 112 с., ил. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 11)
- Никитина Т. Б., Пузаткина Е. А., Добровольская М. В.*, 2020. Кремации в средневековых памятниках Повелтжыя: биоархеологические аспекты исследования. Вып. 258. С. 294–312.
- Annaert, R., Boudin, M., Deforce, K., Eryvynck, A., Haneca, K., Lentacker, A., & Snoeck, C.*, 2020. Anomalous Radiocarbon Dates from the Early Medieval Cremation Graves from Broechem (Flanders, Belgium): Reservoir or Old Wood Effects? *Radiocarbon*. 62 (2), pp. 269–288. doi:10.1017/RDC.2019.159
- Broca P.*, 1879. Instructions générales pour les recherches anthropologiques à faire sur le vivant. 2e édition. Paris, 232 p.
- Capuzzo, G., Snoeck, C., Boudin, M., Dalle, S., Annaert, R., Hlad, M., Vercauteren, M.*, 2020. Cremation vs. Inhumation: modeling cultural changes in funerary practices from the mesolithic to the Middle Ages in Belgium using kernel density analysis on ¹⁴C data. *Radiocarbon*. 62 (6), pp. 1809–1832. doi:10.1017/RDC.2020.88.
- Holck P.*, 1996. Cremated bones. Oslo: Anatomical Institute, University of Oslo, 160 p.
- Reusch M. C. F.*, 1724. De numulis urnis sepulcralibus in Prussia. Königsberg.
- Sabaux C., Veselka B., Capuzzo G., Snoeck C., Sengeløv A., Hlad M., Warmenbol E., Stamataki E., Boudin M., Annaert R., S., Salesse K., Debaille V., Tys D., Vercauteren M., De Mulder G.*, 2021. Multi-proxy analyses reveal regional cremation practices and social status at the Late Bronze Age site of Herstal, Belgium // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 132. 105437. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2021.105437>

- Snoeck C, Pouncett J, Ramsey G, Meighan IG, Mattielli N, Goderis S, Lee-Thorp JA, Schulting RJ.*, 2016. Mobility during the Neolithic and bronze age in Northern Ireland explored using strontium isotope analysis of cremated human bone. *Am J Phys Anthropol.* 160 (3), pp. 397–413. doi: 10.1002/ajpa.22977.
- Snoeck C., J.A. Lee-Thorp, R.J. Schulting.*, 2014. From bone to ash: Compositional and structural changes in burned modern and archaeological bone // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology.* Vol. 416, pp. 55–68.
- Snoeck, C., Pouncett, J., Claeys, P. et al.*, 2018. Strontium isotope analysis on cremated human remains from Stonehenge support links with west Wales. *Sci Rep* 8, 10790. <https://doi.org/10.1038/s41598-018-28969-8>
- Wrzosek A.* Antropologiczna metoda badania grobow ciałopalnych. *Przegląd Antropol.* Warszawa. Vol 3, 128 p, pp. 119–126; 156–157.

FOREWORD

The rite of cremation is one of the most widespread in the culture of many peoples of different eras, starting from the Upper Paleolithic. Initially, the development of classical methods for studying human remains was based primarily on the study of morphologically preserved materials (for example, *Broca*, 1879). Cremations, preserved and buried after burning, and burials represent a special category of physical remains, requiring special approaches and methods of study from the field stage to the laboratory. Great interest in these materials has been observed in recent decades, which is associated with the emergence of new techniques. Nevertheless, it would be erroneous to believe that the study of cremated remains from burial sites began only at the end of the 20th century.

The earliest descriptions of cremated remains from ancient burials date back to the 17th century. British researcher Seth Thomas Brown and German scholar Martin Fiedrich Seidel described urn burials (*Holck*, 1996, p. 19). Christian Friedrich Reich described bone remains from urn burials in Prussia (*Reusch*, 1724). The first published scientific descriptions of cremations in Germany, Denmark, Sweden date back to the late 19th to the early 20th centuries (*Holck*, 1996, p. 20–21). In particular, in 1919, Ludwig Hedell described materials from the burial mounds of Uppsala (*Holck*, 1996, p. 20). According to Pera Holka, the authoritative researcher of cremations from archaeological sites, the first scientific method for describing and studying cremated remains from archaeological sites was presented by A. Wrzosek (*Wrzosek*, 1928). In the interwar period, the German school for the study of burial cremations was formed; after the war, cremation materials were systematically studied in Sweden.

In Russia, the first synthesis report on the study of past cremations was published in 1892 (*Pravdzik*, 1892). The scientists tended to develop study of cremations and improve forensic and archaeological techniques proper (see the review by *Kleshchenko, Reshetova*, 2019, pp. 16–21). It is important to study cremated remains in the context of a specific archaeological situation. Therefore, this direction can be fully considered interdisciplinary (*Dobrovolskaya*, 2010).

It is obvious that huge territorial and chronological spaces, primarily of the early Iron Age and the early Middle Ages, are represented only by cremations. Refusal from a comprehensive study of cremated remains would significantly impoverish the data both on the population that practiced remains burning, and on the burial rites of many archaeological cultures.

The first session of the seminar “Research of archaeological sites with cremation materials” took place on April 01, 2014. It discussed organizational issues (the format of the subsequent sessions of the seminar, the frequency of their holding; the methods of field collection of cremation materials, its unification; the possibility of systematic publication of articles on the topic of the seminar).

It is on June 10 that the second meeting of the seminar took place, with following reports discussed: “Research of cremation materials at the Universities of Tubingen and Constanta. Methodological aspects of research” by E.A. Kleshchenko. “Announcement

of a collection of cremation materials from the storage of the Group of Physical Anthropology” by M. V. Dobrovolskaya.

The first guidelines for the collection and fixation of cremated remains in the field were also taken into consideration. We present them below.

Thus, the seminar began to work in the format of an institute event. As is often the case, the hardest part is to keep the beginning. The third session of the seminar on the topic “Cremation in the burial traditions of the early medieval population of the forest belt of Eastern Europe” was held on April 14, 2016. The program included the following reports:

1. Mastykova A. V., Dobrovolskaya M. V., Yuganov K. L. (IA RAS, Moscow, Kaliningrad Historical and Artistic Museum, Kaliningrad). “Stratigraphy of the late Roman period urn burial from the Romanovo burial ground (Sambia peninsula). The method of study”.

2. Syrovatko A. S. (Kolomna Archaeological Center, Kolomna) “Evolution of methods of clearing and fixing cremations in the Shchurovsky burial ground: what our own experience has shown”.

3. Zelentsova O. V., Milovanov S. I., Dobrovolskaya M. V. (IA RAS, Moscow). “Cremations from the Podbolotyevsky burial ground excavations of 2012–2014”.

4. Puzatkina E. A., Nikitina T. B., Dobrovolskaya M. V. (Mari State University, Yoshkar-Ola, Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasiliev, Yoshkar-Ola, IA RAS, Moscow) “New features of the funeral rite of medieval Mari: bioarcheological aspects of research”.

All four topics were subsequently covered more fully in publications (*Zelentsova, Milovanov, Dobrovolskaya, 2017; Mastykova, Dobrovolskaya, Yuganov, 2017; Nikitina, Dobrovolskaya, Puzatkina, 2020*).

In the same year E. A. Kleshchenko defended her PhD (Historical Sciences) thesis on the topic “Cremation as a historical source in the study of the burial rite of the Molo-Sheksna interfluvial population of the 1st millennium AD”. This event demonstrated that the collection and analysis of mass material using standardized methods allows one to draw conclusions about certain components of the funeral rite, which was impossible without the involvement of data on the cremations themselves. In 2019, the results of the dissertation research were published in detail in the monograph by E. A. Kleshchenko and I. K. Reshetova “Paleoanthropological materials in the reconstructions of the way of life and burial rites of the early medieval population of Eastern Europe” (2019).

In 2016, within the framework of the annual conference of the Association of European Archaeologists N. A. Makarov and R. Yankauskas with colleagues organized and conducted the section “After the flames. New approaches to the study of the Medieval sites with funeral cremations in Northern and Eastern Europe”. Archaeologists from Russia, Lithuania, Germany, Belgium, Spain also took part in the work of this section. In the annotation to the reports, it was noted that “the burial rite of cremations was especially widespread in Eastern and Central Europe in the early Iron Age and the Middle Ages. Our knowledge on the forms of funeral rites develops as the methods of field and laboratory research improve. The term “cremation” combines funeral rites expressed in various forms of depositing bone remains.

To understand the peculiarities of the cultural tradition associated with this or that form of cremation, we are to understand many parameters. Here are some of them:

1. Territorial disposition of the necropolis in the context of economic and settlement structures.
2. The nature of the deposit of the remains (urn, pit, surface, etc.).
3. The number of individuals in the burial and their sex and age characteristics.
4. The presence of cremated animals' bones.
5. Completeness of the cremated skeletal remains deposit.

One of the variants of the funeral rite, which has become widespread in the territory of North-Eastern Russia, is the burial of small quantities of cremated remains of people and animals in the surface layers. This almost "traceless rite" does not record individual burials.

It should be emphasized that several recent conferences of the European Association of Archaeologists discussed new methods of cremated remains studying. The focus was on the methodology for determining the composition of cremated bones, its reliability, resolving capabilities and prospects (*Snoeck, Lee-Thorp, Schulting, 2014, Snoeck, et.al., 2016, 2018*). Thus, from 2018 to the present, the CRUMBEL project is being implemented on the basis of Belgian universities. Within the framework of the CRUMBEL project, collections of cremated bones found in Belgium and dating from the Neolithic to the early Middle Ages are being studied using modern analytical and geochemical analyses. The most important part of this project is the entry of the Belgian collections into a database that includes as much osteoarchaeological information as possible.

The study of the strontium isotopic composition based on cremation materials is being developed at the Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences (*Dobrovolskaya et al., 2014, Dobrovolskaya, Makarov, Samorodova, 2020; Mastykova, Antipina Dobrovolskaya, 2021*). This makes it possible to assess the individual mobility of people and animals. The remains constitute accumulations of cremated bones. Another interesting question of studying the site on the basis of the strontium isotopic composition is whether it is a burial place for people from the same territory (local burial ground) or different (regional burial center)?

In 2018, the fourth regular session of the seminar took place. The main its topic was "From primary fixation to reconstruction of a funeral procedure". At the meeting, 4 reports were presented and discussed by employees of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences and the Kolomna Archaeological Center. The discussion was dominated by methodological issues (methods of reconstruction of the burial dress (E.A. Kleshchenko), identification of taphonomic factors and low-temperature effects on bone remains (T.Y. Shvedchikova).

The fifth session took place in 2020. The following thematic areas were announced:

1. Field methods of studying and collecting cremations.
2. Cremations in biritual traditions.
3. Forms of storage and cataloging of cremations.

We have noted an increase in interest in the study of cremation materials. The seminar united researchers from six cities of Russia and three countries (Russia, Belarus, Germany) (https://www.archaeolog.ru/media/2020/konferencii_2020/seminar_kremacii). This meeting allowed us to identify the most actively developed problems of antiquities of the Bronze Age, the Early Iron Age and the early Middle Ages, associated with the study of this archaeological source. Methodological tasks that require primary elaboration are outlined. Perhaps one of the most important problems remains the unreliability of radiocarbon dating of cremated remains (Capuzzo, et al., 2020, Annaert, et al., 2020)

We are also to note that in 2020 the collective monograph “Methods of working with paleoanthropological materials in the field” (Methodology..., 2020) was published, the sections of which are devoted to the methods of collecting, fixing and encrypting various types of cremations.

In 2021, 11 reports were presented within the seminar. This publication includes brief abstracts of them.

So, summing up the analysis of studies of cremation materials from archaeological sites, it should be noted that over the eight years during which the seminar has been running, interest in the possibilities of studying cremated remains has increased significantly, as well as the number of publications on the topic. All this inspires optimism regarding the future of our seminar, which has become a platform for uniting specialists studying cremation. Since the reliability of the conclusions of the historical content is ensured by the reliability of bioarchaeological research methods, the name of the seminar remains unchanged: “Methodological aspects of the study of ancient and medieval cremations”.

This publication introduces the reports prepared for the sixth session of the seminar.

REFERENCES

- Dobrovol'skaya M. V.*, 2010. K metodike izucheniya materialov kremacii // *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* [On the methodology of studying cremation materials]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 224, pp. 85–97.
- Dobrovol'skaya M. V., Kleshchenko E. A., Bogomolov E. S., Zaharov S. D.*, 2014. Opyt primeneniya izotopnyh issledovanij v izuchenii pogrebal'nyh kremacij [Experience in the use of isotope studies in the study of burial cremations] // *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii*. Vyp. 236, pp. 323–331.
- Dobrovol'skaya M. V., Kleshchenko E. A., Mastykova A. V.*, 2017. Metodika izucheniya urnovyh kremacij rimskogo vremeni – rannego srednevekov'ya v Yugo-Vostochnoj Pribaltike [Methodology for studying urn cremations of the Roman time – early Middle Ages in the South-Eastern Baltic] // *V (XXI) Vserossijskij arheologicheskij s"ezd. Sbornik nauchnyh trudov*, pp. 319–320.
- Dobrovol'skaya M. V., Makarov N. A., Samorodova M. A.*, 2020. K ocenke mobil'nosti zhitelej Suzdal'skogo Opol'ya X – pervoj poloviny XII veka [On the assessment of the mobility of the inhabitants of the Suzdal Opolye in the 10th – the first half of the 12th centuries] // *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii 2020*. Tom 48. № 4, pp. 106–115.

- Mastykova A. V., Dobrovol'skaya M. V.*, 2017. Izuchenie kremacij rimskogo vremeni na Sambijskom poluostruve (Kaliningradskaya obl.) [Study of cremations of the Roman time on the Sambian Peninsula (Kaliningrad region)] // V (XXI) Vserossijskij arheologicheskij s"ezd. Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet, pp. 675–676.
- Mastykova A. V., Dobrovol'skaya M. V., Antipina E. E.*, 2021. Voin i boevoj kon' u estiev: pervye rezul'taty issledovaniya «vsadnicheskogo» pogrebeniya rimskogo vremeni na mogil'nike Romanovo-Pugachevskij prud [Warrior and war horse among the Aestians: the first results of the study of the “rider” burial of the Roman period at the Romanovo-Pugachevsky pond burial ground] // Stratumpus. Vyp. 4, pp. 61–78.
- Zelencova O. V., Milovanov S. I., Dobrovol'skaya M. V.*, 2017. Metodicheskie voprosy po obryadu kremacii na primere raskopok 2012–2014 gg. Podbolot'evskogo mogil'nika [Methodological issues on the cremation rite on the example of excavations Podbolotyevsky burial ground in 2012–2014] // Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii, 249. M, pp. 272–287.
- Kleshchenko E. A., Reshetova I. K.*, 2019. Paleoantropologicheskie materialy v rekonstrukciyah obraza zhizni i pogrebal'noj obryadnosti rannesrednevekovogo naseleniya Vostochnoj Evropy [Paleoanthropological materials in reconstructions of the lifestyle and funeral rites of the early medieval population of Eastern Europe] / Otv. red. M. V. Dobrovol'skaya. M.: IA RAN, 224 p.
- Mastykova A. V., Dobrovol'skaya M. V., Yuganov K. L.*, 2017. Mogil'nik Shlakal'ken-5: o kul'turno-hronologicheskoj preemstvennosti pamyatnikov rimskogo vremeni i epohi velikogo peresele-niya narodov v severnoj chasti Sambijskogo poluoostrova [Shlakalken-5 burial ground: on the cultural and chronological continuity of the burial sites dating back to the Roman period and the era of the great migration of peoples in the northern part of the Sambian Peninsula] // Kratkie soobshcheniya instituta arheologii. Vyp. 246, pp. 28–52.
- Metodika raboty s paleoantropologicheskimi materialami v polevyh usloviyah, 2020 [Methodology of work with paleoanthropological materials in the field] / Otv. red. M. V. Dobrovol'skaya. M.: IA RAN, 112 p., il. (Metodika polevyh arheologicheskikh issledovanij, 11)
- Nikitina T. B., Puzatkina E. A., Dobrovol'skaya M. V.*, 2020. Kremacii v srednevekovyh pamyatnikah Povetluzh'ya: bioarheologicheskie aspekty issledovaniya [Cremations in the medieval burial sites of the Povetluzh region: bioarchaeological aspects of the study]. Vyp 258, pp. 294–312.

КРЕМАЦИИ В БИРИТУАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ДОЛИНЫ УРА В РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ

А. М. Илюшин

*Гуманитарный научный центр Кузбасского государственного
технического университета имени Т.Ф. Горбачева*

г. Кемерово, Россия

(ilushin1963@mail.ru)

Резюме. На территории Кузнецкой котловины в долине среднего течения р. Ур были открыты и практически полностью исследованы два курганных могильника (Чудиновка-1 и Дегтяревка), датированные эпохой развитой бронзы и отнесенные к андроновской (федоровской) культуре. Погребальные памятники располагались на разных берегах на удалении в 10 км друг от друга. Особенностью этих объектов является то, что для первого ведущим способом захоронения является труположение в скорченном положении, а для второго – кремация на стороне. При этом на памятниках были выявлены единичные случаи захоронений другим способом. На Дегтяревке обнаружены три кургана с единичными погребениями по обряду ингумации в грунтовых могилах. На Чудиновке-1 в кургане № 1 под насыпью в грунтовых ямах зафиксированы три погребения, одно из которых было по обряду кремации на стороне. Факт является уникальным. Две этнические группы, вероятно, имея период совместного проживания в долине р. Ур и относясь к одной культурной нише, сохраняли биритуальную традицию при совершении погребального обряда на уровне памятников и отдельных курганов.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, урской археологической микрорайон, развитая бронза, биритуализм, ингумация, кремация.

Кузнецкая котловина располагается в Центральной Азии на северо-западной периферии Саяно-Алтая в юго-восточной части Западной Сибири. Котловина вытянута с ЮЮВ на ССЗ на 400 км, а с ЗЮЗ на ВСВ на 100–120 км. Она окружена отрогами трех горных образований – Кузнецкий Алатау, Горная Шория и Салаирский кряж с востока, юга и запада, а на севере котловина граничит с западносибирской низменностью. Ландшафт Кузнецкой котловины представлен степными, лесостепными и приграничными с горами лесными участками, которые были богаты почвами (луговые черноземы) и гидроресурсами (главная водная артерия р. Иня, правый приток р. Оби). В бассейне верхнего течения р. Иня в долине среднего течения ее левого притока р. Ур были

открыты и практически полностью исследованы в разные годы Ф.И. Александровым, М.Г. Елькиным, А.М. Илюшиным и В.А. Борисовым два курганных могильника Дегтяревка и Чудиновка-1, датированные эпохой развитой бронзы и отнесенные к андроновской (федоровской) культуре (Елькин, 1967. С. 89–95; Илюшин, Борисов, 2013. С. 7, 28–30; Ковтун, 1994. С. 122–134; и др.). Погребальные памятники развитой бронзы располагались на разных берегах реки на удалении до 10 км друг от друга. На обоих памятниках было исследовано 36 курганов – 14 на Чудиновке-1 и 22 на Дегтяревке. На сегодня это одно из самых крупных скоплений раскопанных андроновских курганов не только в Кузнецкой котловине, но и в Верхнем Приобье. Особенностью этих объектов является наличие биритуальных традиций в погребальном обряде, где сосуществуют способы погребения усопших родственников по обряду кремации на стороне и ингумации в различных комбинациях. Можно отметить, что кроме этих археологических объектов в долине среднего течения р. Ур были выявлены десятки других археологических памятников разных исторических периодов, что позволило выделить и целенаправленно исследовать Урской археологический микрорайон в течение двух последних десятилетий (Илюшин, 2004. С. 40–44; 2008. С. 99–104; и др.).

Биритуальная особенность этих погребальных памятников заключается в том, что на курганном могильнике Дегтяревка ведущим и преобладающим способом захоронения является кремация на стороне, а на курганном могильнике Чудиновка-1 – труположение в скорченном положении на боку. При этом на памятниках были выявлены единичные случаи захоронений по другому способу. На Дегтяревке три кургана с единичными погребениями по обряду ингумации в грунтовых могилах. На Чудиновке-1 в кургане № 1 под насыпью в грунтовых ямах зафиксированы три погребения, одно из которых было по обряду кремации на стороне.

При сравнении погребальных памятников отмечено, что Дегтяревка состоит только из курганов, а Чудиновка-1 кроме курганов состоит еще из детских грунтовых могил и ритуальных ям. При этом на обоих некрополях объекты были вытянуты по направлению З–В с небольшими отклонениями. По количеству курганов и площади, занимаемой ими, Дегтяревка значительно превосходит Чудиновку-1. Курганные земляные насыпи могильников Дегтяревка и Чудиновка-1 схожи по размерам и форме, но при этом на Дегтяревке значительно больше объектов, которые по своим размерам относятся к типу больших (диаметром более 8 м). На обоих памятниках преобладает устройство одной грунтовой могилы под насыпью, но встречаются случаи сооружения двух (преобладает на Дегтяревке), трех и даже четырех могил (зафиксировано в 1 случае на Чудиновке-1).

По конструктивным особенностям могил сравниваемые памятники сильно отличаются друг от друга. Все 33 могилы, исследованные на могильнике Дегтяревка, являются грунтовыми ямами, в которых выявлены дополнительные конструкции (одно- или двувенцовые срубы из бревен на дне, деревянные перекрытия, деревянные столбики и берестяные подстилки на дне). 25 могил, раскопанных на Чудиновке-1, являются грунтовыми ямами, в которых дополнительных конструкций

не было. Обращают на себя внимание различия в габаритах грунтовых могильных ям. На Дегтяревке большинство могил крупные (размер по длинной оси более 2 м и глубина более 1 м от уровня материка). На Чудиновке-1 все могилы имеют глубину менее 1 м от уровня материка, а среди них преобладают могилы, размеры которых по длинной оси составляют менее 2 м. Большее сходство между памятниками прослеживается по ориентации могил. Ведущей является ориентация длинной осью по линии ЮЗ–СВ с частыми отклонениями ЮЮЗ–ВСВ (Дегтяревка) и ЗЮЗ–ВСВ (Чудиновка-1). Выявленные формы могильных ям на обоих памятниках одинаковые. Преобладают могилы удлиненно-подпрямоугольной формы, длина которых значительно превосходит ширину, с прямыми и заovalенными углами.

Принципиальные различия демонстрируют могильники Дегтяревка и Чудиновка-1 в способе захоронения. В 91% дегтяревских могил находятся захоронения по обряду кремации на стороне, а в чудиновских могилах 95,7% – захоронения по обряду ингумации. На Дегтяревке лишь в трех могилах погребения совершены по обряду ингумации, а на Чудиновке-1 лишь в одной могиле – по обряду кремации на стороне. На Дегтяревке и Чудиновке-1 преобладают могилы с одиночными погребениями в могиле.

Положения кальцинированных костей в дегтяревских могилах можно разделить на три типа: тип 1 – компактные кучки посреди дна могилы (зафиксирован в 84,8% случаях); тип 2 – рассыпанные по всей площади дна (12,1%); тип 3 – помещённые в керамический сосуд (3%). На Чудиновке-1 кальцинированные кости были положены в сосуд (тип 3). Кроме этого, факты присутствия огня зафиксированы еще в двух чудиновских могилах в виде обожжения грунта засыпки и древесных углей на дне.

Положение погребенных по обряду ингумации в могилах на Дегтяревке однообразно – на левом боку в скорченном положении. В таком же положении основная масса погребенных на Чудиновке-1, но есть и исключения: 36,8% погребено на правом боку в скорченном положении, 5,3% – на спине со сложенными на животе руками и поднятыми коленями. Ориентация костяков в дегтяревских могилах однообразна – головой на ЮЗ, а на Чудиновке-1 36,4% костяков ориентированы головой на ЗЮЗ, 27,3% на ЮЗ, 9,1% на ЮЮЗ, 4,5% на Ю, 18,2% на З и 4,5% на ССВ, т. е. тоже с учетом отклонений преобладает ЮЗ ориентировка.

На дне могил на обоих памятниках в единичных случаях были зафиксированы кости мелкого рогатого скота (овцы или барана). Кроме этого, в засыпке одной из могил был найден фрагмент рогов лося. Керамическая посуда по своей форме и орнаментации, по месту их расположения в могилах на обоих памятниках практически идентичная.

Статистический показатель культурной близости памятников (более 60%) позволил сделать вывод, что курганные могильники Чудиновка-1 и Дегтяревка являются однокультурными. Однако наличие специфических культурных черт, характерных для каждого из этих памятников позволяет предполагать, что они принадлежали различным этническим группам.

Факт, выявленный для периода развитой бронзы в долине среднего течения реки Ур на территории Кузнецкой котловины, является уникальным. Две этнические группы, вероятно, имея период совместного проживания по соседству на разных берегах реки, относились к одной культурной нише – андроновской (федоровской) археологической культуре, сохраняли биритуальную традицию при совершении погребального обряда на уровне памятников и отдельных курганов.

Частные случаи проявления андроновцами биритуализма на территории Кузнецкой случаи известны и на других погребальных памятниках. Так на Урман-1 выявлено захоронение по обряду ингумации в отдельном кургане, среди курганов с погребениями по обряду кремации на стороне (*Савинов, Бобров, 1995. С. 83–90*). На Танае-1 и Танае-12 два близко расположенных памятника. На первом захоронения по обряду кремации на стороне, а на втором – по обряду ингумации (*Бобров, 2005. С. 61*). Было предложено интерпретировать эти факты различиями в религиозном мировоззрении (*Бобров, 2013. С. 89*), но это лишь подтверждает наличие различных групп населения, носителей разных конфессий андроновской культуры на территории Кузнецкой котловины. Приведенные примеры отражают толерантность древнего общества по отношению к погребальным традициям соседних этнических групп. Можно предполагать, что в случае создания смешанных семей, биритуальный способ захоронения ее членов под насыпью или на могильном поле отражает этнокультурные корни погребенного.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров В. В., 2005.* «Биритуализм» андроновского погребального обряда – нетрадиционная форма развития культуры // XIII Западносибирское археолого-этнографическое совещание. Томск: ТГУ. С. 60–63.
- Бобров В. В., 2013.* Характеристика андроновской культуры Кузнецко-Салаирской горной области // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геoarхеология. Этнология. Антропология». № 2 (3). С. 84–92.
- Елькин М. Г., 1967.* Памятники андроновской культуры на юге Кузбасса // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 1. Кемерово: КГПИ. С. 89–95.
- Илюшин А. М., 2004.* Урской археологический микрорайон в эпоху бронзы // Археологические районы Северной Азии: Матер. науч. конф. Омск: ОмГУ. С. 40–44.
- Илюшин А. М., 2008.* Урской археологический микрорайон как объект исследования // Вестник Кузбасского государственного технического университета. № 1. С. 99–104.
- Илюшин А. М., Борисов В. А., 2013.* Курганы развитой бронзы в долине реки Ур // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 6 / Ред.: А. И. Мартынов. Кемерово: КузГТУ. 304 с.
- Ковтун И. В., 1994.* Андроновские погребения Урского могильника из раскопок Ф. И. Александра // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово: КемГУ. С. 122–134.
- Савинов Д. Г., Бобров В. В., 1995.* Курганы андроновской культуры могильника Юрман 1 в Западной Сибири // Археологические вести. № 4. С. 83–90.

CREMATION IN BI-RITUAL TRADITIONS OF THE UR RIVER VALLEY POPULATION IN THE ADVANCED BRONZE AGE

A. M. Ilyushin

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev

Kemerovo, Russia

(ilushin1963@mail.ru)

Two burial mounds (Chudinovka-1 and Degtyarevka), dated to the Advanced Bronze Age and attributed to the Andronov (Fedorov) culture, were discovered and almost completely explored on the territory of the Kuznetsk Basin in the valley of the middle course of the Ur River. Burial sites were located on different banks at a distance of 10 km from each other. A feature of these objects is that for the first, the main method of burial is corpse placement in a crouched posture, and for the second, it is cremation on the side. At the same time, isolated cases of burials in a different way were revealed at the sites. At the Degtyarevka there are three burial mounds with single inhumation burials in ground graves. At the Chudinovka-1, in mound No. 1, three burials were recorded under the embankment in the ground pits, one of which was on the side according to the cremation rite.

The fact is unique. The two ethnic groups, probably having a period of cohabitation in the valley of the Ur River and belonging in the same cultural niche, preserved the biritual tradition when performing the funeral rite at the level of burial sites and individual burial mounds.

REFERENCES

- Bobrov V. V.*, 2005. «Biritualizm» andronovskogo pogrebal'nogo obyryada – netradicionnaya forma razvitiya kul'tury [“Biritualism” of the Andronovo funeral rite as an unconventional form of cultural development] // XIII Zapadnosibirskoe arheologo-etnograficheskoe soveshchanie. Tomsk: TGU, pp. 60–63.
- Bobrov V. V.*, 2013. Harakteristika andronovskoj kul'tury Kuznecko-Salairskoj gornoj oblasti [Characteristics of the Andronovo culture of the Kuznetsk-Salair mountain region] // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya». № 2 (3), pp. 84–92.
- El'kin M. G.*, 1967. Pamyatniki andronovskoj kul'tury na yuge Kuzbassa [Monuments of Andronovo culture in the south of Kuzbass] // Izvestiya laboratorii arheologicheskikh issledovanij, 1. Kemerovo: KGPI, pp. 89–95.
- Ilyushin A. M.*, 2004. Urskoj arheologicheskij mikrorajon v epohu bronzy [Ursky archaeological microdistrict in the Bronze Age] // Arheologicheskie rajony Severnoj Azii: Mater. nauch. konf. Omsk: OmGU, pp. 40–44.

- Ilyushin A. M.*, 2008. Urskoj arheologičeskij mikrorajon kak ob'ekt issledovaniya [Ursky archaeological microdistrict as an object of research] // Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. № 1, pp. 99–104.
- Ilyushin A. M., Borisov V. A.*, 2013. Kurgany razvitoj bronzy v doline reki Ur [Mounds of Late Bronze Age in the valley of the Ur River] // Trudy Kuzneckoj kompleksnoj arheologo-etnografičeskoj ekspedicii. T. 6 / Red.: A. I. Martynov. Kemerovo: KuzGTU. 304 p.
- Kovtun I. V.*, 1994. Andronovskie pogrebeniya Urskogo mogil'nika iz raskopok F. I. Aleksandrova [Andronovo burials of the Ursky burial ground from the excavations of F. I. Alexandrov] // Metodologiya i istoriografiya arheologii Sibiri. Kemerovo: KemGU, pp. 122–134.
- Savinov D. G., Bobrov V. V.* 1995. Kurgany andronovskoj kul'tury mogil'nika Yurman 1 v Zapadnoj Sibiri [The mounds of the Andronovo culture of the Yurman 1 burial ground in Western Siberia] // Arheologičeskie vesti. № 4, pp. 83–90.

О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ РИТУАЛАХ, СОПУТСТВУЮЩИХ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИМ КРЕМАЦИЯМ

Е. Г. Шалахов

*Государственное бюджетное учреждение культуры
Республики Марий Эл «Замок Шереметева»*

п.г.т. Юрино, Россия

(shalahof@yandex.ru)

Резюме. В кенотафах Усть-Ветлужского могильника, которые автор рассматривает как малоисследованные кремации, есть предметы со следами ритуальных действий специфического характера. В июне 2001 г. в ходе разведочных работ на Сутырской дюне был найден литой топор-кельт, орнаментированный пятью горизонтальными поясками-валиками. Лезвие кельта сильно деформировано ещё в древности от удара о металлический или же каменный предмет. Второй кельт со следами ритуального воздействия обнаружен в погребении 10 Усть-Ветлуги. Это захоронение отличалось от погребений основной площадки памятника не только богатым медно-бронзовым инвентарем, но и особенностями погребальной обрядности. Впервые публикуя находку «княжеского» ранга, Б.С. Соловьев отмечал, что угол лезвия кельта был преднамеренно смят путем сильного удара о некий твердый предмет. В данном случае деформация лезвия кельта имела только лишь ритуальный смысл. На мой взгляд, есть основания считать умышленную порчу оружия сопутствующим погребальным ритуалом в сейминско-турбинских кремациях.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, могильник, оружие, топор-кельт, ритуал, Усть-Ветлуга.

Изучение погребальных ритуалов эпохи поздней бронзы невозможно представить без объективного взгляда на некоторые аспекты сейминско-турбинской проблемы. Основной исследователь Юринского (Усть-Ветлужского) могильника Б.С. Соловьев считает, что «ритуал «умерщвления» вещей в сейминско-турбинских могильниках отсутствует» (Соловьев, 2010. С. 63), почти игнорируя тот факт, что в погребальных комплексах Усть-Ветлуги есть довольно любопытные предметы как раз со следами ритуальных действий специфического характера (Соловьев, 2005. С. 110; Шалахов, 2013. С. 206).

В июне 2001 г. в ходе разведочных работ на Сутырской дюне автором был найден литой трубчатый топор-кельт разряда К-6 – по КТР-классификации, разрабо-

танной коллегами в прошлом веке (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 37–162), орнаментированный под венчиком втулки пятью горизонтальными поясками-валиками (Рис. 1). Медно-бронзовое изделие, обнаруженное ещё до начала стационарных работ на нижней (основной) площадке кладбищенского поля Усть-Ветлуги, имеет характерные для сейминско-турбинских кельтов морфологические особенности (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 38). Длина найденного орудия 137 мм, ширина (в лезвийной части) составляет 66 мм. Лезвие кельта сильно деформировано (сплющено) ещё в древности от удара о металлический или же каменный предмет (*Шалахов*, 2013. С. 206).

Вряд ли деформация рабочей части боевого топора была случайной. В ней мы видим последствие совершенного погребального ритуала, связанного с «умерщвлением» вещи, которая должна была «служить» воину в загробном мире. Некоторые исследователи могильников эпохи бронзы утверждают, что непригодное к использованию оружие в древнейших воинских захоронениях скорее исключение, чем правило (*Большов*, 2007. С. 63; *Соловьев*, 2010. С. 63). Тем не менее, частичная деформация, а порой и поломка предмета на несколько частей может быть истолкована как попытка провести границу между миром живых и «нижним» миром, куда «переселялся» погребенный сородич.

Второй кельт со следами ритуального воздействия обнаружен в статусном погребении 10 Усть-Ветлуги (*Соловьев, Шалахов*, 2006. С. 174, рис. 3, 2; *Шалахов*, 2015. С. 213). Это захоронение сейминско-турбинского типа, вскрытое в 2004 г. (*Соловьев*, 2005. С. 108–109), отличалось от погребений основной площадки памятника не только богатым медно-бронзовым инвентарем (*Соловьев*, 2010. С. 57–58), но и ландшафтными особенностями погребальной обрядности (*Шалахов*, 2016. С. 241).

Впервые публикуя оригинальную находку «княжеского» ранга (Рис. 1, 1), автор раскопок писал: «Угол лезвия преднамеренно (?) смят сильным ударом о твердый предмет...» (*Соловьев*, 2005. С. 110). Характер этого повреждения, которое, при дальнейшем использовании рубящего орудия, могло сказаться на функциональности кельта, долгое время оставался невыясненным. Нам представляется, что в данном случае деформация лезвия кельта имела только лишь ритуальный смысл. Намеренная порча предмета из «социально-значимого» захоронения, совершенного на Сутырской дюне (*Соловьев, Шалахов*, 2006. С. 168–169), в целом соотносится с сибирскими погребальными традициями эпохи палеометалла (*Косарев*, 2003. С. 149).

След от ритуального воздействия отмечен автором и на двулезвийном ноже разряда НК-16 (Рис. 1, 3) с листовидным клинком, имеющем четко выраженное продольное ребро, которое идёт и по всей длине черенка, отделенного от клинка комбинацией перекрестья и перехвата, с ромбическим окончанием черенка. Длина бронзового изделия – 163 мм, ширина клинка – 37 мм, ширина черенка – 23 мм, толщина – 3,5 мм (*Шалахов*, 2013. С. 206). Острие клинка смято, очевидно, в результате отправления древнейшего ритуала «втыкания в землю», проанализированного специалистами (*Косарев*, 2003. С. 148).

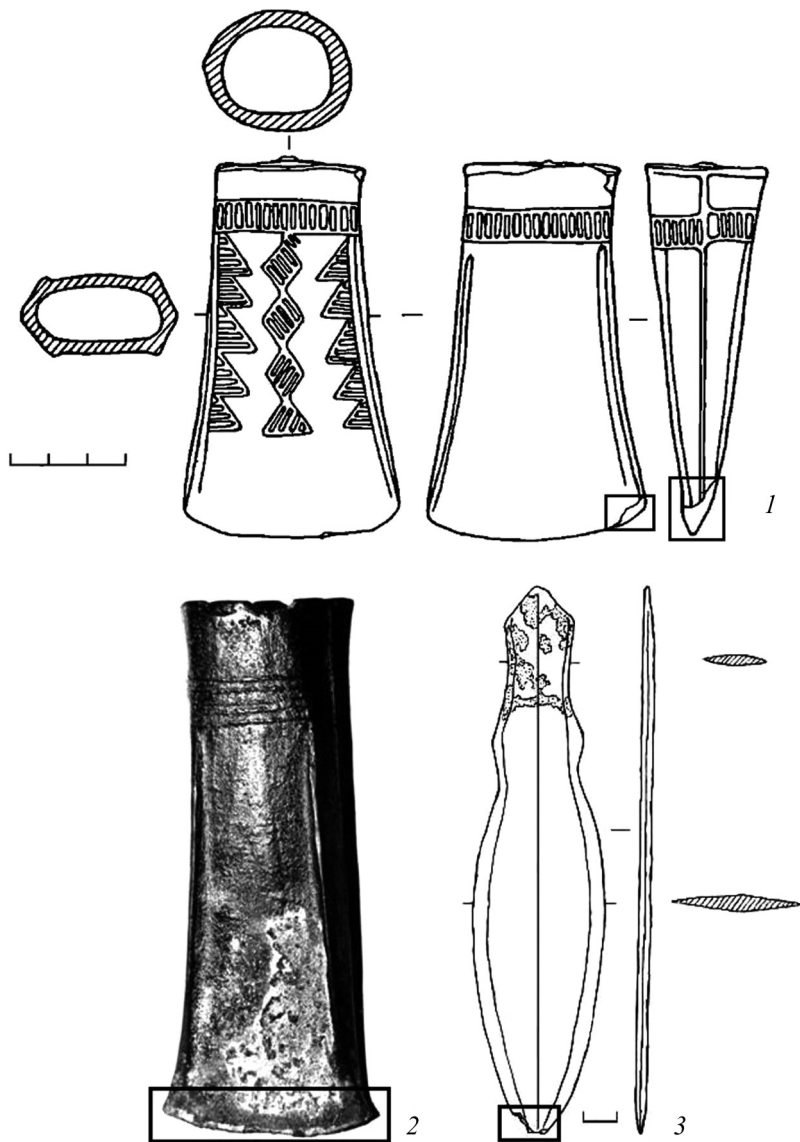

Рис. 1. Медно-бронзовый инвентарь Юринского (Усть-Ветлужского) могильника:
1 – топор-кельт из засыпи погребения 10 (рис. Б. С. Соловьева); 2 – топор-кельт разряда К-6, подъемный материал 2001 г. (фото Н. П. Лебедева); 3 – нож разряда НК-16, случайная находка 2002 г. (рис. Е. Г. Шалахова)

В последнем случае для достижения цели обрядового действия по «умерщвлению» предмета вооружения мог использоваться и какой-то твердый предмет, принесенный специально.

Таким образом, рассмотренные материалы некоторых опорных памятников сейминско-турбинского транскультурного феномена (Черных, 2013. С. 273; Черных, 2015. С. 45), на мой взгляд, существенно дополняют источниковую базу для изучения погребальной практики и соответствующих ритуалов у кочевых группировок позднего бронзового века.

ЛИТЕРАТУРА

- Большов С. В., 2007. Абашевское время на Средней Волге // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 51–68.
- Косарев М. Ф., 2003. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: «Ладога-100». 352 с.
- Соловьев Б. С., 2010. К вопросу о социально-значимых захоронениях сейминско-турбинского типа // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т. Вып. 5. С. 56–69.
- Соловьев Б. С., 2005. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // Российская археология. № 4. С. 103–111.
- Соловьев Б. С., Шалахов Е. Г., 2006. Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары: ЧГИГН. С. 168–174.
- Черных Е. Н., 2015. Кочевой мир Евразии: номады Запада в конце бронзового века // Природа. № 2 (1194). С. 43–55.
- Черных Е. Н., 2013. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. М.: «Языки славянской культуры». Т. 1. 368 с.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука. 320 с.
- Шалахов Е. Г., 2015. К вопросу о связи некоторых петроглифов Южной Сибири и Монголии с культурой воинской элиты позднебронзовой эпохи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. Вып. XXI. С. 210–214.
- Шалахов Е. Г., 2013. Металлокомплекс могильника Усть-Ветлуга: о неизвестных находках 2001–2002 гг. // Альманах современной науки и образования. № 4 (71). С. 205–207.
- Шалахов Е. Г., 2016. Об использовании ландшафтных особенностей в погребальной обрядности носителей сейминско-турбинских бронз (на примере Юринского могильника) // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Международной научной конференции. Тюмень: Тюменский гос. ун-т. Вып. 5. Ч. 1. С. 240–241.

THE STUDY OF SOME SPECIFIC RITES ACCOMPAINING THE SEIMA-TURBINO CREMATIONS

E. G. Shalakhov

*State budgetary institution of culture of the Republic of Mari El
“Sheremetev Castle”*

Yurino, Russia

(shalahof@yandex.ru)

The author considers the cenotaphs of the Ust-Vetluzhsky burial ground as little-studied cremations. In them, there were found a number of objects with traces of ritual actions of a specific nature.

In June 2001, in the course of geological exploration on the Sutyrskaya dune, a cast celt was found, ornamented with five horizontal belts-rollers. It is in ancient times that the celt blade was strongly deformed from a hit against a metal or stone object.

The second celt with traces of ritual influence was found in the burial 10 of the Ust-Vetluzhsky burial ground. This burial differed from the ones from the main part of the burial ground not only by the rich copper-bronze grave goods, but also by the peculiarities of the funeral rite.

When B. S. Soloviev was the first to publish evidence that the burials of individuals of «princely» rank differed from the rest, he noted that the angle of the celt was deliberately damaged by a strong blow against a certain hard object. In this case, the deformation of the celt blade had only a ritual meaning.

In my opinion, there is reason to consider the deliberate damage to weapons as an accompaniment of the funeral rite in the Seima-Turbino cremations.

REFERENCES

- Bol'shov S. V.*, 2007. Abashevskoe vremya na Srednej Volge [Abashev time in the Middle Volga region] // *Problemy pervobytnoj i srednevekovej arheologii Volgo-Kam'ya*. Yoshkar-Ola: MarNIIYALI, pp. 51–68.
- Kosarev M. F.*, 2003. *Osnovy yazycheskogo miroponimaniya: po sibirskim arheologo-etnograficheskim materialam* [Fundamentals of pagan worldview: based on Siberian archaeological and ethnographic materials]. M.: Ladoga-100, 352 p.
- Solov'ev B. S.*, 2010. K voprosu o socialno-znachimyh zahoroneniyah seyminsko-turbinskogo tipa [To the issue of socially significant burials of the Seimin-Turbinsky type] // *Materialy i issledovaniya po arheologii Povolzh'ya*. Yoshkar-Ola: Mar. gos. univer-t, 5, pp. 56–69.
- Solov'ev B. S.*, 2005. Yurinskij (Ust'-Vetluzhskij) mogil'nik (itogi raskopok 2001–2004 gg.) [Yurinsky (Ust-Vetluzhsky) burial ground (results of excavations 2001–2004)] // *Rossijskaya arheologiya*. № 4, pp. 103–111.

- Solov'ev B. S., Shalahov E. G.*, 2006. Voinskoe pogrebenie Yurinskogo mogil'nika [Warrior burial of the Yurinsky burial ground] // *Issledovaniya po drevnej i srednevekovoj arheologii Povolzh'ya*. Cheboksary: CHGIGN, pp. 168–174.
- Chernyh E. N.* 2015. Kochevoj mir Evrazii: nomady Zapada v konce bronzovogo veka [The Nomadic world of Eurasia: the West Nomads at the end of the Bronze Age] // *Priroda*. № 2 (1194), pp. 43–55.
- Chernyh E. N.*, 2013. Kul'tury nomadov v megastrukture Evrazijskogo mira. [Nomadic cultures in the megastructure of the Eurasian world]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. T. 1. 368 p.
- Chernyh E. N., Kuz'minyh S. V.*, 1989. Drevnyaya metallurgiya Severnoj Evrazii (sejminsko-turbinskij fenomen) [Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Seiminsko-Turbinsky phenomenon)]. M.: Nauka. 320 p.
- Shalahov E. G.*, 2015. K voprosu o svyazi nekotoryh petroglifov Yuzhnoj Sibiri i Mongolii s kul'turoj voinskoj elity pozdnebronzovoj epohi [To the issue of the connection of some petroglyphs of Southern Siberia and Mongolia with the culture of the military elite of the Late Bronze Age] // *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya*. Barnaul: Altajskij gos. un-t. Izd. XXI, pp. 210–214.
- Shalahov E. G.* Metallokompleks mogil'nika Ust'-Vetluga: o neizvestnyh nahodkah 2001–2002 gg. [The metal complex of the Ust-Vetluga burial ground: unknown finds 2001–2002] // *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*. № 4 (71), pp. 205–207.
- Shalahov E. G.*, 2016. Ob ispol'zovanii landshaftnyh osobennostej v pogrebal'noj obryadnosti nositelej sejminsko-turbinskih bronz (na primere YUrinskogo mogil'nika) [On the use of landscape features in the funeral rites of the bearers of the Seimin-Turbin bronzes (on the example of the Yurinsky burial ground)] // *Ekologiya drevnih i tradicionnyh obshchestv: materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Tyumen': Tyumenskij gos. un-t, 5. Ch. 1. p. 240–241.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРЕМИРОВАННЫХ ОСТАНКОВ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

И. П. Алаева

*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

г. Челябинск, Россия

(alaevaira@mail.ru)

***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ННФИ
в рамках научного проекта № 20-51-150001***

Резюме. Был проведен количественный анализ остатков кремации из могильника Звягино-1 федоровской культуры бронзового века Южного Зауралья (XVII-XVI вв. до н.э.). Масса останков была незначительна даже в непотревоженных погребениях. Схожая статистика параметров остатков кремации федоровской (андроновской) культуры разных регионов может указывать на единую традицию совершения обряда трупосожжения.

Ключевые слова: федоровская культура, андроновская культура, бронзовый век, археология Южного Зауралья, кремация, трупосожжение, количественный анализ мамы останков.

При изучении кремаций федоровской культуры Южного Зауралья исследователи чаще всего обращались к рассмотрению особенностей локализации кремированных костей в пределах могильных ям и вопросам реконструкции, интерпретации погребения по обряду трупосожжения (Малютина, 1984; Усманова, 2005; Стефанов, Корочкова, 2006). Примеры антропологического определения остатков кремации немногочисленны и в обобщающих работах задействованы не были (Усманова, 2005. Таб. 43; Стефанов, Корочкова, 2006. С. 145–149; Косинцев, Ражев, 2009). Между тем, есть примеры более тщательного исследования вида, состава, реконструкции температуры сожжения для федоровской (андроновской) культуры других регионов (Бендесу-Сармьенто Х., 2013), что обуславливает необходимость обращения и к кремациям федоровской культуры Южного Зауралья.

Целью данной работы является количественный анализ остатков кремации федоровской культуры бронзового века Южного Зауралья. Источником послужили

Рис. 1. Могильник Звягино-1, курган 7, погребение 1.
Непотревоженные остатки кремации на дне, у восточного борта ямы

материалы могильника федоровской культуры Звягино-1 (XVII–XVI вв. до н. э.), расположенного в Чебаркульском районе Челябинской области. Всего в 9 курганах было представлено 14 погребений, совершенных по обряду трупосожжения.

В количественном отношении, из всей массы остатков в могилах (953 единицы общим весом 1 кг 75 грамм) около 80% составляли кости, длиной от 0,2 до 1,5 см. Наиболее крупная категория, длиной от 5 до 7 см была представлена буквально 14 единицами. Характеристика поверхности костей свидетельствует о совершении кремации при температуре выше 600–700 градусов.

Практически все погребения в могильнике были ограблены. В большинстве случаев количество кремированных костей из заполнения таких ям насчитывалось от 3 до 32 единиц, общим весом от 2,3 до 14,2 грамм. Непотревоженные погребения представлены в двух случаях: в погребении 1 кургана 2 и в погребении 1 кургана 7. В этих погребениях общая масса остатков кремации составила 401,5 и 610,3 грамма.

В погребении 1 кургана 7 потревоженные остатки кремации локализовались в виде вытянутого скопления костей, мощностью от 5 до 12 см (рис. 1). В пределах скопления обнаружено не менее 505 единиц кремированных костей человека, длиной от 0,5 до 5–7 см, общим весом 610,3 грамм (рис. 2). Большая часть костей

Рис. 2. Могильник Звягино-1, курган 7, погребение 1. Остатки кремации взрослого индивида (общий вес костей – 610,3 грамма)

представлена размерным рядом от 1,5 до 3,5 см (рис. 3). Кости принадлежали взрослому индивиду (25+) мужского пола (антропологические определения Е. П. Китова).

Анализ размерного ряда кремированных остатков в погребениях могильника федоровской культуры Звягино-1 позволяет сделать ряд заключений.

Очевидным является значительное уменьшение количества костей кремации в потревоженных погребениях. Тем не менее, это трудно объяснить только самим фактом ограбления, так как в ограбленных могилах с труположением (к примеру, алакульской культуры), большая часть костей скелета человека остается в могиле и это означает, что остатки самого погребенного не были целью ограбления. Помимо этого, в потревоженных погребениях остатки кремации в могильнике Звягино-1 ни в одном случае не были зафиксированы *in situ* на дне могилы – они были представлены разрозненными костями в заполнении ямы. Последнее может указывать на первоначальную упаковку костей, нарушение которой и приводило к их рассеиванию. Причины нарушения упаковки, вероятно, связаны с особенностями размещения инвентаря (который и был целью ограбления) поверх/вместе с креми-

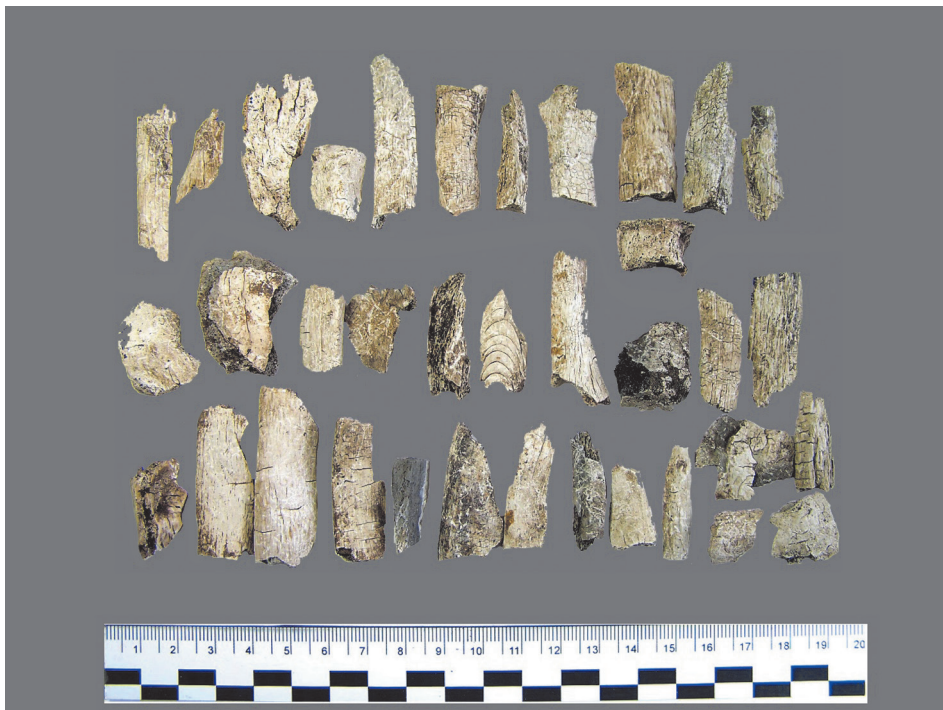

Рис. 3. Могильник Звягино-1, курган 7, погребение 1.
Кремированные кости взрослого индивида

рованными останками. Так, Н. Б. Виноградовым предложена реконструкция в виде антропоморфных кукол как вместилищ остатков кремации по материалам могильника Кулевчи VI в алакульско-федоровских погребениях по обряду сожжения (*Виноградов и др.*, 2020. С. 297).

По результатам антропологического анализа остатков сожжения могильника Звягино-1 можно сказать, что по обряду кремации были погребены люди разного пола (как мужского, так и женского), подростки и взрослые. Отсутствие в выборке кремации детей, возможно, связано и с фактом отсутствия небольших по размеру (детских) ям. Выявленная в алакульских, алакульско-федоровских погребениях с сожжением связь обряда кремаций исключительно с захоронением женщин (*Берсенева*, 2018. С. 212) в погребальном обряде федоровской культуры могильника Звягино-1 не прослеживается.

Количественный анализ кремированных останков в погребениях могильника Звягино-1 продемонстрировал сходную статистику параметров остатков кремации федоровской (андроновской) культуры других регионов (*Усманова*, 2005. Таб. 43;

Бендезу-Сармьенто Х., 2013. С. 132). Проблема заключается в незначительном весе (всего до 400–600 грамм) и количестве остатков кремации даже в непо потревоженных погребениях. Объем останков явно не соответствует предполагаемому объему останков сожженного человека. По результатам анализа кремаций Семиречья авторы сделали вывод о том, что большая часть индивидов оказалась представлена менее чем 30% костных останков в расчете от условного среднего веса в 2500 грамм для взрослого человека (*Бендезу-Сармьенто Х.*, 2013. С. 132).

Использование влагосодержащих средств (вода, вино) при тушении костра является общей чертой обряда у многих индоевропейских народов. Фрагментированность и неполнота костных останков может быть объяснена ритуалами тушения погребального кострища и особенностями процедуры собирания костей (*Алаева*, 2005. С. 222).

Схожая статистика параметров остатков кремации федоровской (андроновской) культуры разных территорий, как и в алакульских и алакульско-федоровских погребениях, может указывать на единую традицию совершения обряда трупосожжения среди населения Северной Евразии в бронзовом веке.

ЛИТЕРАТУРА

- Алаева И. П.*, 2005. Обряд трупосожжения в погребальных памятниках срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: Сборник научных статей. Уральск. Вып. 4. С. 218–233.
- Бендезу-Сармьенто Х.*, 2013. Погребальные сооружения для кремированных останков эпохи бронзы в Семиречье (Казахстан) // Биологическая антропология: к синтезу научных дисциплин. Сборник научных статей. Самарканд: МИЦАИ. С. 121–152.
- Берсенева Н. А.*, 2018. Социальные аспекты практики кремации в обществах эпохи бронзы Южного Урала // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. № 2. С. 211–224.
- Виноградов Н. Б., Берсенева Н. А., Алаева И. П., Алентьев Ю. М., Блинов И. А., Галибин В. А., Епимахов А. В., Илюшина В. В., Китов Е. П., Косинцев П. А., Рассомахин М. А.*, 2020. Кулевчи VI – могильник позднего бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: ЮУрГГПУ. 556 с.
- Косинцев П. А., Ражев Д. И.*, 2009. Кости животных и человека из могильника Касарги-1 // Проблемы археологического изучения Южного Урала / Отв. Ред. Н. Б. Виноградов. Челябинск: Абрис. С. 101–103.
- Малютина Т. С.*, 1984. Могильник Приплодный Лог I // Бронзовый век УралоИртышского междуречья / Отв. Ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: БашГУ. С. 58–78.
- Стефанов В. И., Корочкова О. Н.*, 2006. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Урал. ун-т. 160 с.
- Усманова Э. Р.* 2005. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда: КарГУ; Лисаковск: Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья. 232 с.

QUANTITATIVE INDICATORS OF THE CREMATED REMAINS OF THE FEDOROV CULTURE OF THE SOUTHERN TRANS-URALS

I.P. Alaeva

South Ural State Pedagogical University

Chelyabinsk, Russia

(alaevaira@mail.ru)

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the NSFI within the framework of the scientific project No. 20-51-150001

In the history of the study of the cremations of the Fedorov culture of the Southern Trans-Urals, most often, researchers considered the localization peculiarities of cremation remains within the grave pits and turned to the issues of reconstruction of the burial according to the cremation rite (*Malyutina, 1994; Korochkova and Stefanov, 2006; Vinogradov, 1998, 2020*). There are few examples of anthropological definitions of cremation remains, and they were not involved in generalizing works (*Razhev, 2006, 2009*). Meanwhile, there are examples of a closer study of the type and composition of the burials. What is more, the burning temperature for the Fedorov (Andronov) culture of other regions was also reconstructed. Based on the results of the analysis of the cremations of Zhetysu, the authors concluded that the composition and the insignificant weight of the remains were inherent even in undisturbed graves (*Bendezu-Sarmiento, 2013*).

A quantitative analysis of cremated remains in the burials of the Zvyagino-1 burial ground of the Fedorov culture in the Southern Trans-Urals showed similar trends. In undisturbed burials, the total mass of cremation remains was 401.5 and 610.3 grams. Similar statistics on the parameters of the cremation remains of the Fedorov (Andronov) culture of different regions may indicate a common tradition of performing the rite of corpse burning.

REFERENCES

- Alaeva I. P., 2005. Obryad truposozhzheniya v pogrebal'nyh pamyatnikah srubno-alakul'skoj kontaktnoj zony Yuzhnogo Zaural'ya [The rite of corpse-burning in the burial sites of the Srubno-Alakul contact zone of the Southern Trans-Urals] // Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana: Sbornik nauchnyh statej. Ural'sk, 4, pp. 218–233.*

- Bendezu-Sarm'ento H.*, 2013. Pogrebal'nye sooruzheniya dlya kremirovannyh ostankov epohi bronzy v Semirech'e (Kazakhstan) [Burial structures for cremated remains of the Bronze Age in Semirechye (Kazakhstan)] // *Biologicheskaya antropologiya: k sintezu nauchnyh disciplin. Sbornik nauchnyh statej*. Samarkand: MICAI, pp. 121–152.
- Berseneva N.A.*, 2018. Social'nye aspekty praktiki kremacii v obshchestvah epohi bronzy Yuzhnogo Urala [Social aspects of cremation practice in societies of the Bronze Age of the Southern Urals] // *Stratum plus. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya*. № 2, pp. 211–224.
- Vinogradov N.B., Berseneva N.A., Alaeva I.P., Alent'ev Yu.M., Blinov I.A., Galibin V.A., Epimakhov A.V., Ilyushina V.V., Kitov E.P., Kosincev P.A., Rassomahin M.A.*, 2020. Kulevchi VI – mogil'nik pozdnego bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e [Kulevchi VI is a burial ground of the late Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk: YUUrGGPU. 556 p.
- Kosincev P.A., Razhev D.I.*, 2009. Kosti zhivotnyh i cheloveka iz mogil'nika Kasargi-1 [Animal and human bones from the Kasargi-1 burial ground] // *Problemy arheologicheskogo izucheniya YUzhnogo Urala / Otv. Red. N.B. Vinogradov*. Chelyabinsk: Abris, pp. 101–103.
- Malyutina T.S.*, 1984. Mogil'nik Priplodnyj Log I [Burial ground Priplodny Log I] // *Bronzovyj vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya / Otv. Red. G.B. Zdanovich*. Chelyabinsk: BashGU, pp. 58–78.
- Stefanov V.I., Korochkova O.N.*, 2006. Urefty I: zaural'skij pamyatnik v andronovskom kontekste [Urefts I: Trans-Ural monument in the Andronovo context]. Ekaterinburg: Ural. un-t. 160 p.
- Usmanova E.R.*, 2005. Mogil'nik Lisakovskij I: fakty i paralleli [Lisakovsky Burial Ground I: facts and parallels]. Karaganda: KarGU; Lisakovsk: Lisakovskij muzej istorii i kul'tury Verhnego Pritobol'ya. 232 p.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ КРЕМАЦИИ

О. А. Казанцева

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск, Россия

(kazantsevaolga@yandex.ru)

Резюме. Были проанализированы деревянные внутримогильные обугленные конструкции Кудашевского I могильника (III–V вв.). Конструкции представлены в основном фрагментами настила, редко формой в виде ящика. Воздействию огня были подвергнуты разные части конструкций. Проведен антракологический анализ углей для определения породы деревьев. В засыпи погребений с конструкциями фиксируются остатки кремаций в виде незначительного количества фрагментов костей. В придонной части нескольких могил найден уголь в виде скопления в области головы. Останки зубов человека встречены с кальцинированными косточками, располагающимися как в засыпи, так и в захоронении. В ряде могил с обожженными деревянными конструкциями найдены зубы человека, не испытавшие влияния огня: возможно, это имитация кремации на месте.

Ключевые слова: Кудашевский могильник, археология Пермского края, погребальный обряд, кремация, ингумация, деревянные конструкции из погребений, антракологический анализ.

Деревянные обугленные конструкции являются важным источником в изучении погребальных кремаций, в этом состоит актуальность обращения к теме. В курганно-грунтовом Кудашевском I могильнике (III–V вв.), расположенном в бассейне р. Тулвы, левого притока р. Камы Бардымского округа Пермского края, насчитывается 364 грунтовых захоронений. Погребальные конструкции (ПК) на памятнике встречены в 39,29% грунтовых могил. Внутримогильные обугленные деревянные конструкции составляют 24,47% от всех могил с ПК. Погребения с обугленными ПК располагаются в рядах, наряду с остальными, в направлении северо-восток – юго-запад, но некоторую компактность (по 3 погребения) в расположении на территории отметим. Могилы индивидуальные, одно парное и групповое.

Морфология деревянных конструкций представлена в основном фрагментами от прямоугольного настила, в одном случае – в виде ящика. В данной выборке

встречено 3 типа ПК: настил (тип I, XXI), который отличаются формой, деталями устройства и ящик (тип XVII) (Казанцева, Вязников, 2011. С. 21, 23–24). Размеры деревянных конструкций: длина – 1,13–2,20 м, ширина – 0,37–0,74 м, толщина – 0,005–0,05 м.

В качестве сырья для конструкций использованы хвойные породы деревьев с преобладанием сосны, редко из лиственных. Учитывая инвентарь, статус и пол умершего в мужских и женских захоронениях, прослеживается разница в выборе древесины для определенных конструкций в виде настила и ящика. Для самой распространенной ПК – тип I (настил) в мужских и женских могилах – применялась сосна. В женской могиле использована липа (тип XXI). Для мужской могилы ПК тип XVII (ящик) – сосна.

Воздействию огня были подвергнуты разные части конструкций: продольные края (тип I), торцевые поверхности, горизонтальная плоскость и один ее край; периметр (тип XVII); горизонтальная поверхность, но поперечная плаха не обожжена; отдельные фрагменты (тип XXI). Вариаций следов воздействия огня на ПК отмечено несколько, но в большинстве случаев – зона, где голова. В двух могилах фиксируются продольная, а в другой – по диагонали деревянные обугленные конструкции, которые, вероятно, представляли собой жерди, которые упали в могилу при горении. Остается открытым вопрос методического характера о действиях при кремации – испытала ли ПК воздействие огня до погружения в яму или горела в самой могиле с намеренным тушением огня при заполнении ямы грунтом.

Признаками обугленных конструкций являются карбонизация поверхности дерева, наличие углей. В могилах не фиксируются на дне и стенках прокалы или зола, следовательно, предварительного воздействия на пространство ямы до захоронения не было. Признаки кремации в погребениях с обугленными погребальными конструкциями: незначительное количество мелких кальцинированных косточек, уголь в виде отдельных включений в слое захоронений. В придонной части нескольких захоронений найден уголь в виде скопления в области головы, в одном погребении – на поверхности.

Останки зубов человека встречены с кальцинированными косточками белого цвета, располагающимися как в засыпи могилы, так и в захоронении (от 1 до 3 экз.). Интересно, что в могилах с обугленными конструкциями встречены зубы человека (14,82%), скорее всего, умерший был уложен по обряду ингумации – головой на юго-запад, а деревянную конструкцию поджигали, о чем свидетельствуют угли и кальцинированные косточки в погребениях.

В захоронениях с обугленными конструкциями содержится разнообразный сопроводительный инвентарь, за исключением одного. По социальному статусу умерших основная масса захоронений относится к уровню «средних», два – «очень богатые» и по одному – «богатые», «бедные». Следовательно, кремация не является уделом только «богатых», а занимает определенное место в социальной иерархии общества.

В погребальной кремации на памятнике отмечены одновременно останки человека и обугленное состояние конструкции в той или иной части, предполагаем имитацию кремации на месте захоронения человека – в могиле. Либо древние символически соблюдали обряд ингумации, а останки были кремированы на стороне, тогда в могилу попадала часть праха и зубы, которые располагали в могиле так, как при обряде ингумации – в области головы, т. е. в анатомическом порядке скелета. Исключением является лишь одно захоронение, в котором зубы человека располагались в центре ямы.

Аналогии явлениям с обугленными деревянными конструкциями Кудашевского I могильника имеются в одновременных памятниках Среднего Прикамья. Так, в Нивском могильнике зафиксированы обугленные кости животных и человека, остатки кострищ, уголь в двух парных захоронениях, «... погребальные костры, видимо, разводились и в могильных ямах, и рядом с ними» (*Останина*, 1978. С. 94). Автор считает, что погребения отличаются от могил местного населения, имеют «...иную этническую принадлежность». В Мокинском могильнике обугленные настилы представлены фрагментарно «... в виде углистых прослоек» (*Коренюк, Мельничук и др.*, 2011. С. 71).

Таким образом, корреляция признаков погребального обряда (типы и состояние деревянных конструкций, инвентарь, останки человека и кремаций) позволяет сделать предварительный вывод – на Кудашевском I могильнике местный обряд – ингумация, пришлый – кремация. Наличие обоих способов захоронения на памятнике может означать сосуществование людей в определенный хронологический период в результате контактов автохтонного и иного населения в древности.

ЛИТЕРАТУРА

- Казанцева О. А., Вязников А. М.*, 2012. Погребальные сооружения населения среднего Прикамья (по материалам Кудашевского могильника III–V вв. н. э.) // Вестник УдГУ. Сер. 5: История и филология. Вып. 1. С. 20–31.
- Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л.*, 2011. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. Сер. История. Вып. 1 (15). С. 65–80.
- Останина Т. И.*, 1978. Нивский могильник III–V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск. С. 92–117.

BURIAL CONSTRUCTIONS AS AN ELEMENT OF CREMATION

O. A. Kazantseva

Udmurt State University

Izhevsk, Russia

(kazantsevaolga@yandex.ru)

The author of the Kudashev I burial ground excavations (III-V centuries) investigated wooden intra-grave charred constructions, which make up 22.1% of the ground burials of this site. Constructions are mainly represented by fragments of covering, rarely in the form of a box. The burial constructions are made of coniferous trees with a predominance of pine, and also of deciduous ones. Various parts of the constructions were exposed to fire: longitudinal brims, end surfaces, a horizontal plane and one of its edges; perimeter; horizontal surface. At the same time, the transverse block was not burnt. Remains of cremations - a small number of calcified bones - are recorded in the infill of burials with the constructions. In the bottom part of several graves, coal was found in the form of an accumulation in the head area. Remains of human teeth were found with calcified bones located both in the infill and in the burial. In a number of graves, human teeth were found that did not experience the influence of fire, probably the deceased was laid according to the inhumation rite, and the wooden constructions was set on fire, possibly an imitation of cremation on the site.

REFERENCES

- Kazanceva O.A., Vyaznikov A.M.*, 2012. Pogrebal'nye sooruzheniya naseleniya srednego Prikam'ya (po materialam Kudashevskogo mogil'nika III-V vv.n. e.) [Burial structures of the population of the Middle Kama region (based on the materials of the Kudashevsky burial ground of the III-V centuries AD)] // *Vestnik UdGU. Ser. 5: Istoriya i filologiya*, 1, pp. 20-31.
- Korenyuk S.N., Mel'nichuk A.F., Pereskokov M.L.*, 2011. Pogrebal'nyj obryad pozdnej chasti Mokinskogo mogil'nika v Srednem Prikam'e (po materialam raskopok 1994 g.) [The funeral rite of the late part of the Mokin burial ground in the Middle Kama region (based on the materials of excavations of 1994)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya*, 1 (15), pp. 65-80.
- Ostanina T.I.*, 1978. Nivskij mogil'nik III-V vv. // *Materialy k rannej istorii naseleniya Udmurtii* [Materials on the early history of the population of Udmurtia] / *Otv. red. M.G. Ivanova. Izhevsk*, pp. 92-117.

ХАРАКТЕР ТЕРМИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСТАНКИ ИНДИВИДА ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА 6 РАННЕСАРМАТСКОГО МОГИЛЬНИКА ТАКСАЙ 1

Я. А. Лукпанова¹, М. В. Добровольская²

1 – Западно-Казахстанский историко-краеведческий музей, г. Уральск, Казахстан

2 – Институт археологии РАН, г. Москва, Россия

(mk_pa@mail.ru)

Резюме. Погребения представителей кочевых культур евразийского степного мира, как правило, представлены ингумациями по курганным насыпям. Редко, но широко встречаются случаи погребений с использованием «огненного ритуала», при котором сжигаются крупные постройки над погребениями. В результате этих действий формируются специфические скелетные останки, измененные термическим воздействием, но не побывавшие в огне. Один из ярких примеров такой обрядности – курган 6 могильника Таксай-1 (Западно-Казахстанская область), датируемый VI–V вв. до н. э. В сообщении приводятся данные о погребенных, прежде всего об останках молодой женщины, частично сохранившихся в результате прокаливании глиняного настила над захоронением.

Ключевые слова: ранние сарматы, погребальный обряд, Северо-Западный Казахстан, термическое воздействие на кость

Могильник Таксай 1, расположенный на западе Западно-Казахстанской области, был выявлен экспедициями Западно-Казахстанского центра истории и археологии в 2013–2014 гг. Памятник относится к кругу раннесарматских курганных могильников, датируемых VI–V вв. до н. э.

Курган № 6 занимает крайнее северо-восточное положение относительно других курганов комплекса и характеризуется сложным и редким погребальным обрядом, в состав которого входило сооружение бревенчатого наката и глиняного настила над центральным погребением кургана, создание печей по его углам и длительное прокалывание созданного настила.

Под прокаленным настилом были обнаружены останки одного индивида с богатым вещевым сопровождением. Останки принадлежат женщине в возрасте 25–29 лет. Судя по цветности и сохранности фрагментов скелета, термическое воздействие было неравномерным. Цветность фрагментов может быть черной, бурой, светло-серой, а также есть участки скелета с неизменной цветностью.

Вероятно, свое влияние оказала нестандартная поза индивида с раскинутыми ногами и руками, как можно судить по фотодокументам и полевым чертежам. На некоторых фрагментах выражен «черный лак» – особая форма термически измененной ткани, при которой появляется характерный блеск. Как правило, такое состояние характерно для низкотемпературного воздействия на объекты, содержащие значительную долю жидких веществ. Подобные проявления могут быть обнаружены на скелетированных останках людей, погибших в пожарах. Эта особенность позволяет судить о том, что сожжение тела имело место сразу после смерти индивида. Деформирующие трещины не обнаружены, что объясняется как отсутствием воздействия самого огня, так и преимущественно невысокими температурами, до которых происходил разогрев толстого настила из бревен и слоя глины. Эпизоды сооружения и сожжения настилов над останками – редкое, но устойчивое явление в средне евразийских кочевников раннего железного века. Сбор информации о таких случаях и подробное их описание необходимы для понимания особенностей проведения обряда.

THE NATURE OF THE THERMAL EFFECT ON THE REMAINS OF AN INDIVIDUAL FROM THE CENTRAL BURIAL OF KURGAN 6 OF THE EARLY SARMATIAN BURIAL GROUND TAKSAI 1

Ya. A. Lukpanova¹, M. V. Dobrovolskaya²

1. – West Kazakhstan Museum of Regional History, Uralsk, Kazakhstan

2. – Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(mk_pa@mail.ru)

Burial ground Taksay 1, located in the west of the West Kazakhstan region, was discovered by expeditions of the West Kazakhstan center of history and archeology in 2013–2014. The burial site belongs to a number of early Sarmatian burial mounds dating back to the 6th–5th centuries BC. Kurgan 6 occupies an extreme northeastern position relative to other mounds of the burial site and is characterized by complex and rare burial rites, which included the construction of a log covering and clay flooring on the central burial of the mound, the creation of furnaces at its corners and long-term calcination of the created flooring. Under the calcined flooring, the remains of one individual with rich clothing were found. The remains belonged to a woman aged 25–29. Judging by the chromaticity and preservation of the fragments of the skeleton, the thermal effect was uneven. The chromaticity of the fragments found is black, brown, light gray, and there are also areas of the skeleton with unchanged chromaticity. Probably, the non-standard posture of the individual with outstretched legs and arms, as can be judged from photographic documents and field drawings, had its impact. Some fragments show “black varnish” – a special form of thermally altered fabric, in which a characteristic shine appears. As a rule, this condition is typical of low-temperature exposure to objects containing a significant proportion of liquid substances. This allows us to judge that the burning of the body took place immediately after the death of the individual. No deforming cracks were found, which is explained both by the absence of the effect of the fire itself, and mainly by low temperatures, to which the thick flooring of logs and a layer of clay was heated. Episodes of the construction and burning of decks over the remains are a rare but persistent phenomenon in the Middle Eurasian nomads of the Early Iron Age.

СОЖЖЕННЫЕ САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ IV В. ДО Н. Э.: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСТАНКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ 1 КУРГАНА III КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У С. ТОЦКОЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

**Е. А. Клещенко¹, Л. В. Купцова², Н. Г. Свиркина¹,
М. В. Добровольская¹, В. П. Гусева³, Е. А. Крюкова²**

1 – Институт археологии РАН, г. Москва, Россия
(malzeva-ekaterina@mail.ru, svirkina.natalia@mail.ru, mk_pa@mail.ru)

*2 – ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
педагогический университет», г. Оренбург, Россия*
(orelin.84@mail.ru)

3 – МБУ «Коломенский археологический центр», г. Коломна, Россия
(gusewa.violetta2018@yandex.ru)

Резюме. Проанализированы фрагменты костей из сарматского погребения IV в. до н. э., представляющего собой коллективное сожжение на месте. Останки на момент сожжения были представлены телами и потревоженными скелетированными останками. Кости были прокалены при разной температуре горения, что подтверждается и степенью прокаленности грунта в разных частях захоронения. Комплексные исследования останков позволили получить новые данные о деталях погребальной обрядности, связанных с культом огня.

Ключевые слова: сарматы, кремация, ингумация, коллективное захоронение, сожженные погребения, сожжение на месте, антропологический анализ, ранний железный век, р.ж.в., IV в. до н.э.

В ходе проведенных исследований были изучены обожженные и сожженные (кремированные) останки из сарматского погребения 1 из раскопок кургана, расположенного III км у с. Тоцкое района Оренбургской области (Купцова, 2021).

При определении видовой и половозрастной принадлежности останков из погребения был применен сравнительно-анатомический метод исследования. Описание фрагментов костей проведено согласно общепринятым стандартам изучения кремированных останков, с учетом весовых показателей, размера, цветности, наличия характерных деформационных трещин. (например, Добровольская, 2010.

С. 85–87; *Клещенко, Свиркина, 2018; Клещенко, Решетова, 2019; Holck, 1997; The analysis of burned human remains, 2008).*

Объект представлял собой сожжение на месте тел минимум 12 индивидов различного пола и возраста. Останки этих людей на момент проведения сожжения были представлены телами, а также, предположительно, потревоженными скелетированными останками. Так, по большей части, останки при раскопках были обнаружены в анатомическом порядке. Некоторые части тела в сочленении также обнаружены в погребальном пространстве погребения № 1. Они, с наибольшей долей вероятности, также принадлежат выявленным индивидам, чьи останки были представлены в не полной комплектности. Помимо этого, в пределах погребального пространства были собраны разрозненные кости, которые так же, с наибольшей вероятностью, принадлежат выявленным индивидам.

Кости были прокалены при разной температуре горения, о чем свидетельствуют различия в цветности и хрупкости костных останков. Детальная фиксация цветности останков позволила подтвердить предположение, что сожжение было совершено на месте¹. Так, наибольшая температура (550–750 °С) и продолжительность горения характерна для южной, юго-западной части погребального пространства (в первую очередь, скелеты 1–3, а также часть костей скелета 8). Наименьшее повреждение получили останки в центральной, северной и северо-восточной части погребального пространства, где температура горения достигает 300–400 °С. Также отдельный небольшой очаг выявлен в северо-западном углу (скелет 10), где температура горения достигает 550 °С. Полученные данные подтверждаются зафиксированной в ходе раскопок степенью прокаленности грунта в этих частях захоронения (Таб. 1).

Цветность останков, даже сожженных при высокой температуре, не имеет характерных параболических деформационных трещин, типичных для кремаций «свежих» останков. Кости имеют лишь неровные сломы. Это наталкивает нас на предположение, что сожжение останков могло произойти не сразу после смерти. При этом, целые скелеты или их части расположены в анатомическом порядке, и в момент сожжения находились, как минимум, в сочленении. Расположение же фрагментов костей в погребальном пространстве в совокупности с их цветностью, полученной в результате горения, позволяет предположить, что некоторые останки были сильно потревожены до сожжения. С этим, вероятно, и связано посмертное повреждение, зафиксированное на некоторых костях.

Таким образом, благодаря детальному, комплексному анализу всех фрагментов костей из захоронения, удалось проследить многоэтапность и сложность воплощения действий, связанных с погребальной обрядностью:

¹ Определение температуры воздействия огня на останки проведено в соответствии с Wahl J. Beobachtung zur Verbrennung menschlicher Leichname. Über die Vergleichbarkeit moderner Krematorien mit prähistorischen Leichenbränden (1981, S. 273). Подробный перевод таблицы Wahl J. на русский язык с прилогами фото таких костей можно увидеть в других публикациях (*Клещенко, Решетова, 2019. С. 25).*

Таб. 1. Половозрастной состав погребенных, цветность останков и температурный диапазон воздействия на них огня.

№ индивида	Шифр	Пол	Возраст	Цвет останков	Температура воздействия огня
1	скелет № 1	мужской	30–45	от светло-серого до белого	550–750 °С
2	скелет № 2	мужской	40–55	от темно-серого до белого	550–750 °С
3	скелет № 3		adultus	от черного и синего до белого	400–750 °С
4	скелет № 4, скелет № 5, индивид 1	мужской	старше 40	от коричневого и черного до белого	200–750 °С
5	скелет № 5, индивид 2	мужской	30–40	черный	около 400 °С
6	скелет № 6, скелет № 8, ниже скелета № 8	мужской	adultus I–II – maturus I	от коричневого до черного	300–400 °С
7	скелет № 7, скелет № 8, ниже скелета № 8	мужской	adultus I–II – maturus I	от коричневого до серого и белого	300–750 °С
8	ниже скелета № 8	–	до 25	от коричневого до серого и белого	300–750 °С
9	скелет № 9	–	adultus	от коричневого до черного	300–400 °С
10	скелет № 10	–	ребенок, 4–5 лет	от коричневого до черного и серого	300–550 °С
11	скелет № 10	–	adultus	от коричневого до черного и серого	300–550 °С
12	скелет №11	–	ребенок, 8-12 лет	от коричневого до черного и серого	300–550 °С

1. Изначально на месте захоронения была некая открытая погребальная площадка. До сожжения останки некоторых индивидов были потревожены: возможно, на момент сожжения они были представлены в разной степени разложения;

2. Сожжение было произведено одномоментно, на месте. Наибольшая температура и продолжительность горения была в юго-западной части погребальной пло-

щадки, это подтверждается как характеристиками сожженных костей, так и степенью прокаленности грунта в этой части захоронения. Тот факт, что грунт был прокален над останками указывает на то, что горящий объект был достаточно быстро засыпан, после чего мог продолжать тлеть под грунтом.

Подобные нетипичные погребения с частично или полностью сожженными останками иногда встречаются среди близких кургану у с. Тоцкое памятников степных кочевников эпохи раннего железного века (например, *Пшеничник*, 1995, С. 93–94; *Сдыков, Лукпанова*, 2013). Следы культа огня встречены в скифских курганах (например, *Гречко*, 2015, С. 188–193; Гуляев). Изучение подобных им погребений со следами частичного или полного сожжения останков с помощью комплексных методических подходов позволит получить новые данные о деталях погребальной обрядности, связанных с культом огня.

ЛИТЕРАТУРА

- Гречко Д. С.*, 2015. Об особых видах погребений у населения восточноевропейской Лесостепи VII–IV вв. до н.э. // *Древности*. № 13. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина. С. 181–200.
- Добровольская М. В.*, 2010. К методике изучения материалов кремации // *Краткие сообщения института археологии*. М.: Языки славянской культуры. Вып. 224. С. 85–97.
- Клещенко Е. А., Решетова И. К.*, 2019. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН. 224 с.
- Клещенко Е. А., Свиркина Н. Г.*, 2018. Методические подходы при изучении кремированных костных останков из коллективных захоронений (на примере материалов Русского Севера I тыс. н.э.) // *Тверской археологический сборник. Материалы 18-го-20-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности»* / Под ред. И. Н. Черных. Тверь: «Триада». С. 595–601.
- Купцова Л. В.*, 2021. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок III курганного могильника у с. Тоцкое в Тоцком районе Оренбургской области по Открытому листу № 1809–2020 в 2020 году. Т. I–II.
- Пшеничник А. Х.*, 1995. Переволочанский могильник // *Курганы кочевников Южного Урала*. Уфа.
- Сдыков М. Н., Лукпанова Я. А.*, 2013. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай I). Уральск: Полиграфсервис. 292 с.
- Holck P.*, 1997. Cremated bones // *A Medical-Anthropological Study of an Archaeological Material on Cremation Burials*. Oslo: Anatomical Institute, University of Oslo. 160 p.
- Schmidt C. W., Symes S. A.*, 2008. The analysis of burned human remains. San Diego: Acad. Press. 278 p.
- Wahl J.*, 1981. Beobachtung zur Verbrennung menschlicher Leichname. Über die Vergleichbarkeit moderner Krematorien mit prähistorischen Leichenbränden // *Archäologisches Korrespondenzblatt*, 11, pp. 271–279.

**METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY
OF REMAINS FROM BURNT SARMATIAN BURIALS
OF THE 4TH CENTURY BC (BASED ON MATERIALS
FROM KURGAN-1 OF THE III KURGAN BURIAL GROUND
NEAR THE VILLAGE OF TOTSKOE, ORENBURG REGION**

**E. A. Kleshchenko¹, L. V. Kuptsova², N. G. Svirkina¹,
M. V. Dobrovolskaya¹, V. P. Guseva³, E. A. Kryukova²**

*1 – Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(malzeva-ekaterina@mail.ru, svirkina.natalia@mail.ru, mk_pa@mail.ru)*

*2 – Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia
(orelin.84@mail.ru)*

*3 – Kolomna Archaeological Center, Kolomna, Russia
(gusewa.violetta2018@yandex.ru)*

We analyzed the remains from the Sarmatian burial No. 1 of the kurgan-1 of the III kurgan burial ground near the village of Totskoye. We were able to establish that at least 12 individuals, including men, women and children, were burned in this place. At the time of the burning, the remains of some individuals were represented by skeletal remains, disturbed by skeletonized remains. The bones were calcined at different burning temperatures, as evidenced by the differences in color and fragility of the bone remains. The impact of the highest temperature and duration of burning was recorded on bones from the southwestern part of the burial site, which is also confirmed by the degree of calcination of the soil in this part of the burial. Thus, it was possible to trace the multistage and complexity of the funeral rite. Such atypical burials with partially or completely burnt remains are sometimes found among the monuments of the steppe nomads of the Early Iron Age. Their study using other methodological approaches would provide new data on the details of burial rites associated with the cult of fire.

REFERENCES

- Grechko D. S.*, 2015. Ob osobyh vidah pogrebenij u naseleniya vostochnoevropskoj Lesostepi VII–IV vv. do n. e. [About special types of burials spread among the population of the Eastern European forest – steppe in the VII–IV centuries BC] // *Drevnosti*. № 13. Har'kov: Har'kovskij nacional'nyj universitet im. V. N. Karazina, pp. 181–200.
- Dobrovolskaya M. V.*, 2010. K metodike izucheniya materialov kremacii // *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* [On the methodology of studying cremation materials]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 224, pp. 85–97.

- Kleshchenko E. A., Reshetova I. K.*, 2019. Paleoantropologicheskie materialy v rekonstrukciyah obraza zhizni i pogrebal'noj obryadnosti rannesrednevekovogo naseleniya Vostochnoj Evropy [Paleoanthropological materials in reconstructions of the lifestyle and funeral rites of the early medieval population of Eastern Europe]. M.: IA RAN. 224 p.
- Kleshchenko E. A., Svirkina N. G.*, 2018. Metodicheskie podhody pri izuchenii kremirovannyh kostnyh ostankov iz kollektivnyh zahoronenij (na primere materialov Russkogo Severa I tys. n. e.) [Methodological approaches in the study of cremated bone remains from collective burials (on the example of materials from the Russian North of the I millennium AD)] // Tverskoj arheologicheskij sbornik. Materialy 18-go-20-gozasedanij nauchno-metodicheskogo seminara «Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v drevnosti» / Pod red. I. N. Chernyh. Tver': Triada, pp. 595–601.
- Kupcova L. V.*, 2021. Otchet o provedenii ohranno-spasatel'nyh raskopok III kurgannogo mogil'nika u s. Tockoe v Tockom rajone Orenburgskoj oblasti po Otkrytomu listu № 1809–2020 v 2020 godu [Report on the security and rescue excavations of the III burial mound near the village of Totskoye in the Totskoye district of the Orenburg region according to Open Sheet No. 1809–2020 in 2020]. T. I–II.
- Holck P.*, 1997. Cremated bones // A Medical-Anthropological Study of an Archaeological Material on Cremation Burials. Oslo: Anatomical Institute, University of Oslo. 160 p.
- Pshenichnyuk A. H.*, 1995. Perevolochanskij mogil'nik [Perevolochansky burial ground] // Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala. Ufa.
- Schmidt C. W., Symes S. A.*, 2008. The analysis of burned human remains. San Diego: Acad. Press. 278 p.
- Sdykov M. N., Lukpanova Ya. A.*, 2013. Rannie kochevniki Zapadnogo Kazakhstana (na primere kompleksa Taksaj I) [Early nomads of Western Kazakhstan (on the example of the Taksay I complex)]. Ural'sk: Poligrafservis, 292 p.
- Wahl J.*, 1981. Beobachtung zur Verbrennung menschlicher Leichname. Über die Vergleichbarkeit moderner Krematorien mit prähistorischen Leichenbränden // Archäologisches Korrespondenzblatt, 11, pp. 271–279.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ СТРАТИГРАФИЯ КРЕМАЦИЙ И ИНГУМАЦИЙ В КАМЕННОМ МОГИЛЬНИКЕ УДОСЛОВО (РАСКОПКИ 2013 Г.)

Е. Р. Михайлова

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

(helena.mikhaylova@gmail.com)

Резюме. В тезисах речь пойдет о могильнике Удосолово, принадлежащему к группе каменных могильников, расположенных в Кингисеппском районе Ленинградской области. В 2013–2016 гг. на объекте были проведены раскопки, показавшие, что это уникальный по своей обрядности погребальный памятник – наиболее крупный и наиболее ранний для своего региона.

Ключевые слова: могильники с каменными кладками, таранды, кремация, ингумация, погребальный обряд, памятники римского времени, ранний железный век, эпоха викингов.

Могильник Удосолово расположен на северо-западном краю сложенной известняками Ижорской возвышенности, приблизительно в 1 км к юго-западу от деревни Удосолово Кингисеппского района Ленинградской области, на бровке долины ручья, на поле.

Первые сведения о памятнике относятся к 2008 г. (*Сорокин, Шаров, 2008*). В 2009 г. могильник был обследован М. А. Юшковой. Она зафиксировала низкую плоскую насыпь почти прямоугольной в плане формы, размером 40×50 м и высотой 0,3–0,8 м. Однако в том же 2009 г. могильник был разрушен. В 2013 г. автором на сохранившейся части памятника был заложен раскоп площадью 16 кв. м.¹ К этому времени могильник представлял собой поросшее бурьяном изрытое возвышение на краю поля. В 2016 г. раскопки памятника продолжил И. В. Стасюк. Он исследовал некоторые погребения, выявленные в раскопе 2013 г., и уточнил верхнюю границу могильника; в настоящее время результаты работ готовятся к публикации.

¹ Работы велись в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)». Находки переданы в Музей-усадьбу Н. К. Рериха в Изваре.

Раскоп 2013 г. площадью всего 16 кв. м был заложен в южной, лучше сохранившейся части могильника (предварительная публикация: Михайлова, 2015). Здесь были исследованы погребения двух традиций: более ранние ингумации и позднейшие кремации.

До совершения захоронений: поверхность будущего могильника была выровнена, существовавшая здесь яма заложена камнями, на получившейся поверхности устроена горизонтальная вымостка из местного камня-плитняка. На подготовленной площадке располагались погребения по обряду труположения. Костяки были уложены в ряд, на спине, головами на север. Все погребения плохой сохранности: кости раздавлены на многочисленные мелкие фрагменты, многие кости отсутствуют. По всей вероятности, захоронения были повреждены в позднейший период функционирования могильника.

Захоронения совершались в узких низких каменных ящиках (цистах), составленных из обломков плитняка. Частично сохранились продольные стенки ящиков и поперечные стенки в изножье погребенных. Над костями ног некоторых погребений лежали некрупные плиты, перекрывавшие останки. Возможно, цисты сооружали, непосредственно обкладывая тело известняковыми плитами: получившиеся конструкции оказались узкими и низкими, а составлявшие их плиты со временем заваливались вовнутрь. Всего в пределы раскопа вошли шесть погребений, вокруг пяти из них прослежены остатки полуразрушенных цист (погребения 1–3, 5, 6) (рис. 1). Обращает на себя внимание их плотное расположение и одинаковая ориентация – по всей вероятности, они оставались видны на поверхности.

Погребение № 4 выделяется в общем ряду. Кости погребенного лежали немного выше остальных скелетов. Для совершения этого погребения были частично разобраны располагавшиеся здесь каменные ящики, а погребение № 3 оказалось перекрыто выбросом материковой глины. Не исключено, что погребение № 4 было помещено в простую яму, вырытую на уже существовавшем могильнике, хотя его расположение и ориентация точно соответствуют всем остальным ингумациям. Другая отличительная черта погребения № 4 – обугленность костей (рис. 2). Судя по расположению, обожжена до обугливания была верхняя поверхность левой бедренной кости (обращенная вниз поверхность огнем не повреждена). Очевидно, во время функционирования могильника над уже совершенным захоронением № 4 был разведен сильный огонь, в результате чего кости обуглились сверху. Связан ли этот факт с погребальными ритуалами периода совершения здесь ингумаций, с последующим могильником с трупосожжениями, или огонь загорелся в результате случайности, – сейчас сказать невозможно.

Предварительное определение костных останков провел научный сотрудник МАЭ РАН, кандидат исторических наук И. Г. Ширококов²:

погр. 1 – предположительно мужчина 25–35 лет;

² Я выражаю Ивану Григорьевичу свою искреннюю признательность.

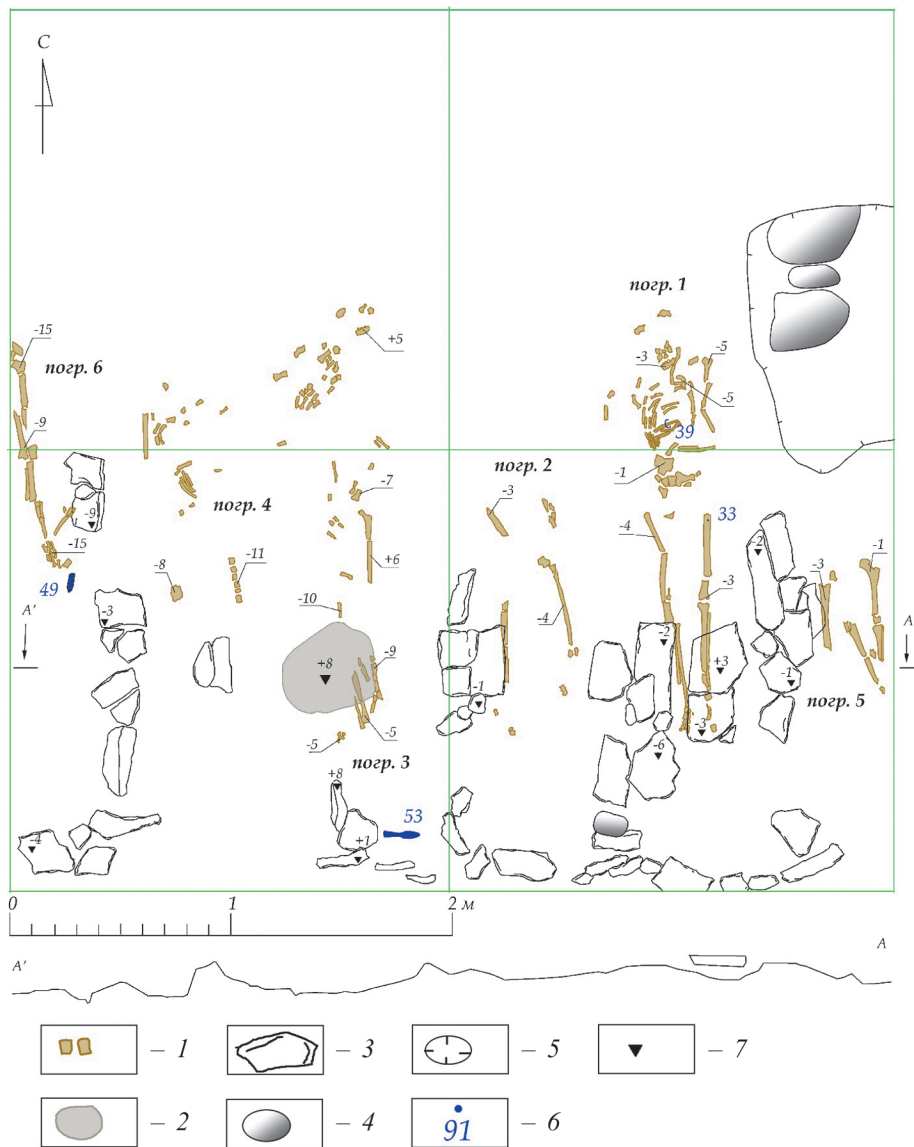

Рис. 1. Каменный могильник Удослово. Погребения по обряду ингумации и верхний уровень конструкций каменных ящиков. План. Условные обозначения: 1 – несожженные кости; 2 – выброс глины; 3 – известняковые плиты; 4 – булжники; 5 – контур поздней ямы; 6 – индивидуальные находки; 7 – нивелировочные отметки

Рис.2. Каменный могильник Удосолово. Погребение № 4.
Деталь: обугленные фрагменты костей. Вид с запада

погр. 2 – предположительно мужчина 30–40 лет;

погр. 3 – взрослый человек старше 30 лет;

погр. 4 – мужчина 20–40 лет;

погр. 5 – предположительно мужчина 20–40 лет;

погр. 6 – подросток.

Встреченные при костяках предметы – узкий плоско-выпуклый браслет, втульчатый дротик и, возможно, нож – датируются очень широко. Определенным хронологическим репером может послужить сам обряд ингумации, который бытует в прибалтийско-финских каменных могильниках вплоть до периода римских влияний, когда местное население начинает сжигать тела умерших. Наиболее близки по обряду к могильнику Удосолово ранние могильники с оградками (таранды) типа Поансе, датирующиеся поздним предримским железным веком вплоть до рубежа эр. В отличие от более поздних тарандов, могильники типа Поансе содержали не кремации, а ингумации – по несколько погребений в каждой оградке (*Lang, 2007. Lk 174–177*).

К востоку от р. Наровы и Чудского озера ингумации в каменном могильнике исследованы в Выбутах близ Пскова (*Яковлев*, 1999. С. 168). В могильнике Валговицы исследована каменная вымостка с отдельными оградками на поверхности (*Рябинин*, 1994. С. 25). Костные останки здесь не найдены, и можно предположить, что погребения совершались по обряду ингумации и не сохранились в песчаной почве. Оба памятника датируются раннеримским периодом.

Второй этап функционирования могильника Удосолово характеризуется обрядом кремации на стороне. Сформировавшийся на этом этапе слой суглинка с крупным щебнем вмещал пережженные кости различной степени обжига, не образующие выраженных скоплений. Стоит отметить, что каменные ящики предшествующего этапа к этому времени были уже полуразрушены, т. е. между двумя этапами функционирования могильника прошло время. Кальцинированные кости практически смешались с нижележащими ингумациями, так что поначалу возникло впечатление, что кремации были высыпаны непосредственно на нижележащие костяки.

При расчистке слоя с кремациями были собраны единичные фрагменты лепной керамики с гладкой и штрихованной поверхностью и ряд металлических предметов. На основании работ 2013 г., кремации были предварительно датированы II–III вв. н. э., но в позднейшем раскопе И. В. Стасюка была обнаружена серия предметов V–VII вв. Использование каменных могильников римского времени для совершения захоронений в третьей четверти 1 тыс. отмечено для ряда каменных могильников, исследованных на территории Эстонии (*Tvaari*, 2012. P. 254–256). Аналогичная ситуация прослежена М. А. Юшковой при раскопках могильника Малли в том же Кингисеппском районе (*Юшкова*, 2015. С. 101–102).

В целом, каменный могильник Удосолово представляет собой уникальный по своей обрядности погребальный памятник. До разрушения это был один из наиболее крупных каменных могильников на территории Ленинградской области, а, учитывая наличие в нем погребений по обряду ингумации, – вероятно, и наиболее ранний.

ЛИТЕРАТУРА

- Михайлова Е. Р.*, 2015. Каменный могильник Удосолово и погребальная обрядность Восточной Прибалтики в первые века нашей эры // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферии и модели культурных взаимодействий / Отв. редактор Д. Г. Савинов. СПб.: Скифия-принт. С. 73–74.
- Рябинин Е. А.*, 1994. К проблеме этногенеза воды // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов: Памяти Д. В. Бубриха / Отв. ред. О. М. Фишман. СПб.: Росс. этнографич. музей. С. 23–29.
- Сорокин П. Е., Шаров О. В.*, 2008. О новых находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследия Санкт-Петербурга. Выпуск 2: Древности Ижорской земли / Ред. П. Е. Сорокин. СПб.: ИИМК РАН, СЗИ Наследия. С. 167–200.

- Юшкова М. А.*, 2015. Раскопки могильника Малли // Археологические открытия 2010–2013 года. С. 100–102.
- Яковлев А. В.*, 1999. Памятник круга ранних каменных могильников в Выбутах близ Пскова // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. К юбилею Инги Константиновны Лабутиной. Псков: б/и. С. 167–173.
- Lang V.*, 2007. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia (Estonian Archaeology, 3). Tartu: Tartu University Press. 298 p.
- Tvauri A.*, 2012 The Migration period, Pre-Viking age and Viking age in Estonia (Estonian archaeology, 4). Tartu: Tartu University Press. 384 p.

RELATIVE STRATIGRAPHY OF CREMATIONS AND INHUMATIONS IN THE UDOSLOVO SONE BURIAL GROUND (EXCAVATIONS OF THE 2013)

E. R. Mikhailova

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

(helena.mikhaylova@gmail.com)

The Udosołovo burial ground belongs in the group of stone burial grounds located in the Kingisepp district of the Leningrad region, on the border with Estonia. This archeological site was for the first time discovered in 2008. It was badly destroyed. Archeologists excavated it twice: E. R. Mikhailova in 2013 and I. V. Stasyuk in 2016.

The burial ground functioned for a long time, from the beginning of our era up to V–VII centuries. In a small excavation site in 2013, burials of two traditions were investigated: earlier inhumations and later cremations.

Inhumations were performed in individual stone cyst boxes, built on a specially prepared stone covering. Five such boxes, located close to each other, were found in the excavation site. Another inhumation (No. 4) was carried out later than the others: for it, already existing stone boxes were partially dismantled, and the bones of the buried here individuals lie slightly higher than the rest of the skeletons. Somewhen, a strong fire burned over burial No. 4, as a result of which some of the bones were charred from above.

The later stages of the functioning of the Udosołovo burial ground are characterized by the rite of cremation on the side. The burnt remains were scattered throughout the burial ground, without forming obvious accumulations, interspersed with crushed limestone and loamy soil. Some of the calcified bones were poured over the dilapidated stone boxes with inhumations.

REFERENCES

- Mihajlova E. R.*, 2015. Kamennyj mogil'nik Udosołovo i pogrebal'naya obryadnost' Vostochnoj Pribaltiki v pervye veka nashej ery [Udosołovo stone burial ground and funeral rites of the Eastern Baltic States in the first centuries of our era] // *Rannij zheleznyj vek Evrazii ot arhaiki do rubezha er. Centry, periferii i modeli kul'turnyh vzaimodejstvij* / *Otv. redaktor D. G. Savinov*. SPb.: Skifiya-print, pp. 73–74.
- Ryabinin E. A.*, 1994. K probleme etnogeneza vodi [To the issue of ethnogenesis of votians] // *Problemy etnicheskoj istorii i mezhetnicheskikh kontaktov pribaltijsko-finskih narodov: Pamyati D. V. Bubriha* / *Otv. red. O. M. Fishman*. SPb.: Ross. etnografich. muzej, pp. 23–29.

- Sorokin P. E., Sharov O. V.*, 2008. O novykh nahodkakh rimskoj epohi na Severo-Zapade [On new finds of the Roman era in the North-West] // *Arheologicheskoe naslediya Sankt-Peterburga. Vypusk 2: Drevnosti Izhorskoj zemli* / Red. P. E. Sorokin. SPb.: IIMK RAN, SZI Naslediya, pp. 167–200.
- Yushkova M. A.*, 2015 Raskopki mogil'nika Malli [Excavations of the Malli burial ground] // *Arheologicheskie otkrytiya 2010–2013 goda*, pp.100–102.
- Yakovlev A. V.*, 1999. Pamyatnik kruga rannih kamennykh mogil'nikov v Vybutah bliz Pskova [Site of the circle of early stone burial grounds in Vybuty near Pskov] // *Drevnosti Pskova. Arheologiya. Istoriya. Arhitektura. K yubileyu Ingi Konstantinovny Labutinoj*. Pskov: b/i, pp.167–173.
- Lang V.*, 2007. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia (*Estonian Archaeology*, 3). Tartu: Tartu University Press. 298 p.
- Tvauri A.*, 2012 The Migration period, Pre-Viking age and Viking age in Estonia (*Estonian archaeology*, 4). Tartu: Tartu University Press. 384 p.

КРЕМАЦИЯ ПОЛНОЙ СОХРАННОСТИ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ В ИСТОКАХ ВОЛГИ И ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ (МОГИЛЬНИК БЕРВЕНЕЦ, КУРГАН 1, ПОГРЕБЕНИЕ 4)

**М. В. Добровольская, А. Л. Смирнов,
Е. О. Челогаева, Е. Н. Пророкова**

Институт археологии РАН

г. Москва, Россия

(mk_pa@mail.ru, ari1828@bk.ru, jin-arx@yandex.ru)

Резюме. Погребальный обряд носителей традиций псковских длинных курганов сложен и многообразен. В сообщении представлен локальный сюжет – описание палеоантропологических материалов из урнового погребения, которое отличается полнотой представленности кремированных фрагментов. Рассматриваются признаки, позволившие определить пол (мужской) и возраст (старше 40) индивида, а также особенности положения тела на погребальном костре.

Ключевые слова: раннее средневековье, Тверская область, погребальный обряд, трупосожжение.

В сообщении рассматриваются методические аспекты полевых и лабораторных исследований отдельной кремации, обнаруженной при раскопках кургана 1 могильника Бервенец (Пеновский район Тверской области). При исследовании кургана было обнаружено урновое погребение. Керамический сосуд располагался вверх дном. Венчик урны опирался на углистую подушку толщиной 4–5 см, в которой также находились более мелкие кремированные кости. Пространство в 3–5 см (у венчика сосуда), оставшееся между стенкой ямы, и краем венчика, а также глубина прокопа позволяют предполагать, что яма выкапывалась именно под размер определенной урны. Пространство, оставшееся между стенками ямы и урны, также было заполнено остатками углей с погребального костра. Донце сосуда отчасти разрушилось, благодаря чему небольшое количество песка проникло внутрь урнового пространства. Тем не менее, большая часть костных фрагментов была предохранена от давления грунта куполом перевернутого сосуда. Это обеспечило сохранение даже хрупких фрагментов. Урна была заполнена фрагментами

костей на три четверти, под донцем оставалось 4–5 см пустого пространства лишь частично заполненного просочившимся через трещину дна, песком. Цвет костей, находившихся в верхней и центральной части перевернутой урны – белый, имеют место незначительные потемнения в толще костной ткани. Нижняя часть костных фрагментов, которые контактировали с углистой подушкой, прокрасилась в черный цвет. Углистая подушка, включающая угли, мелкие фрагменты костей и грунт, была рыхлой, за исключением круговой зоны, оказавшейся непосредственно под венчиком перевернутой урны и потому находившейся длительное время под давлением стенок сосуда.

Разбор содержимого урны позволил убедиться в том, что кости были положены без соблюдения анатомического порядка. Кремированные костные останки разного размера от 9 см до 0,5 см общей массой 1142 грамма относятся ко всем отделам скелета одного индивида. Состояние суставных поверхностей и возрастных изменений позвонков позволяют судить о возрасте погребенного (старше 40 лет). На основании описания рельефа затылочной и лобной кости можно предположить, что индивид мужского пола. Сохранились части скелета характеризующие физический габитус, особенности здоровья.

На поверхности костей черепа, некоторых участков посткраниального скелета отмечены пятна припеканий бурого цвета (рис. 1). Рентгенфлуоресцентным методом оценено присутствие мелких металлических (железных) элементов в погребальном уборе индивида. Обсуждено положение тела на погребальном костре (на спине).

Сохранность позволяет обсудить как особенности физического облика индивида, так и некоторые черты погребального обряда. Значительный рельеф в области glabella, выступание носовых костей, вогнутая спинка носа в сочетании с общей грацильностью черепа и посткраниального скелета не выглядят неожиданными для антропологической среды средневекового населения северо-западных районов Европейской части России.

Хорошая сохранность тел позвонков индивида, вероятнее всего, связана с положением тела на погребальном костре. Практически аналогичная картина (хорошей сохранности позвонков) встречена также при описании грунтового погребения могильника Юрьевская горка (Клещенко и др., 2021, с. 202), а также останков из погребения культуры псковских длинных курганов Любахин 1 (курган № 2 погребение № 1) (Клещенко, Решетова, 2019. С. 116, рис. 48). Возможно, это объясняется сходными чертами организации погребального костра и положения тела.

Практически все отделы скелета представлены, что дает основание считать, что общая масса останков соответствует массе полной кремации с небольшими потерями. Согласно опубликованным данным, средняя масса скелетных останков, остающихся после кремации взрослого мужчины, составляет 2,7 кг, аналогичная масса для женщины – 1,84 кг (Holk, 1996). Хотя эти величины крайне условны, можно с уверенностью судить о том, что наблюдения о миниатюрности размеров скелета

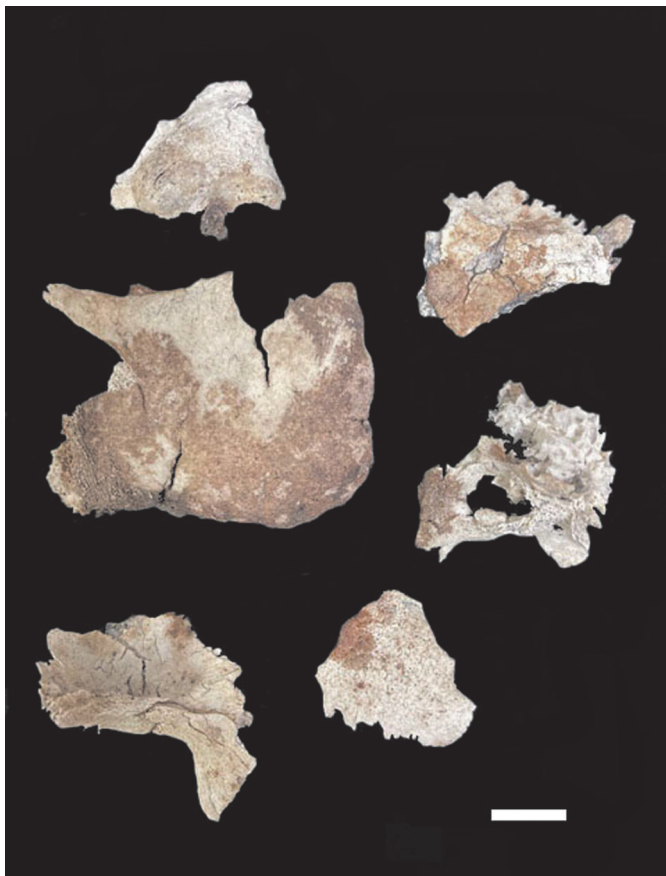

Рис. 1. Припекания на поверхности костей черепа человека из погребения № 4 кургана 1 могильника Бервенец (Пеновский район Тверской области)

мужчины и массовых показателях костей дополняют друг друга. Поэтому мы имеем основания предполагать общую миниатюрность физического габитуса человека из урнового захоронения кургана 1 могильника Бервенец.

Анализ кремации из урнового погребения могильника, ассоциируемого с культурой псковских длинных курганов, проводился на разных этапах – от полевого до лабораторного. Это позволило предложить реконструкцию элементов погребальной обрядности, которые могут быть сформулированы в следующих пунктах:

1. Полный сбор костных останков с погребального костра;
2. Наиболее крупные фрагменты, оставшиеся после высокотемпературного (900 градусов и выше) обжига, собираются во вместилище из органического материала;

3. Мелкие немногочисленные фрагменты попадают в углистую подушку, подстилающую урну и в засыпку остатками костра пространства между стенками урны и могильной ямы;

4. Полученные данные позволяют предположить, что в могильной яме аккумулярованы практически все остатки погребального сожжения, включая оставшиеся угли.

ЛИТЕРАТУРА

Клеценко Е. А., Свиркина Н. Г., Исланова И. В., Куприянов Д. А., Смирнов А. Л., Бужилова А. П., Добровольская М. В., 2021. Кремированные останки из грунтовых погребений могильника Юрьевская Горка в контексте проблем культурного взаимодействия на севере Восточной Европы в середине – третьей четверти I тыс. н. э. // Краткие сообщения института археологии. Вып. 263. С. 199–218.

Клеценко Е. А., Решетова И. К., 2019. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН. 224 с.

Holck P., 1996. Cremated bones. Oslo: Anatomical Institute, University of Oslo. 160 p.

**LONG KURGANS CULTURE OF THE PSKOV TYPE:
COMPLETELY PRESERVED CREMATION FROM THE BURIAL
IN THE SOURCES OF THE VOLGA AND WESTERN DVINA
(BERVENETS BURIAL GROUND, GRAVE 4)**

M. V. Dobrovolskaya, A. L. Smirnov,

E. O. Chelogaeva, E. N. Prorokova

Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

(mk_pa@mail.ru, ari1828@bk.ru, jin-arx@yandex.ru)

The report gives an insight into the methodological aspects of field and laboratory studies of the separate cremation found in the course of excavations of the kurgan-1 of the Bervenets burial ground (Penovsky district of the Tver region). The experience of interacting with the undisturbed urn burial allows us to formulate recommendations on preserving fragile fragments in the field. Cremated bone remains of various sizes from 9 cm to 0.5 cm with a total weight of 1142 grams belong in all parts of the skeleton of one individual. The condition of the articular surfaces and age-related changes in the vertebrae make it possible to judge the age of the buried individual (over 40 years old). Based on the description of the occipital and frontal bones relief, it can be assumed that the individual is male. Parts of the skeleton that characterize physical habit and health features were preserved. The presence of small metallic (iron) elements in the burial dress of the individual was assessed by X-ray fluorescence. We discussed the posture of the body (on the back) on the funeral pyre. Based on an analysis of the localization of bone fragments, we suggest a number of variants of reconstructions of a step-by-step procedure for placing remains in a burial pit.

REFERENCES

- Kleshchenko E. A., Svirkina N. G., Islanova I. V., Kupriyanov D. A., Smirnov A. L., Buzhilova A. P., Dobrovolskaya M. V.*, 2021. Kremirovannye ostanki iz gruntovyh pogrebenij mogil'nika Yur'evskaya Gorka v kontekste problem kul'turnogo vzaimodejstviya na severe Vostochnoj Evropy v seredine – tret'ej chetverti I tys. n. e. [Cremated remains from the burial grounds of the Yuryevskaya Gorka cemetery in the context of cultural interaction in the north of Eastern Europe in the middle – third quarter of the 1st millennium AD] // *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii*. Vyp. 263, pp. 199–218.
- Kleshchenko E. A., Reshetova I. K.*, 2019. Paleoantropologicheskie materialy v rekonstrukciyah obraza zhizni i pogrebal'noj obryadnosti rannesrednevekovogo naseleniya Vostochnoj Evropy [Paleoanthropological materials in reconstructions of the lifestyle and funeral rites of the Eastern Europe early medieval population]. M.: IA RAN. 224 p.
- Holck P.*, 1996. Cremated bones. Oslo: Anatomical Institute, University of Oslo. 160 p.

УСТЬ-МАТЫРКА 1 – НОВЫЙ МОГИЛЬНИК С КРЕМАЦИЯМИ И ЕГО РОЛЬ В ПОНИМАНИИ ТРАДИЦИЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ 1 ТЫС. Н. Э.

А. С. Сыроватко¹, В. П. Гусева¹, И. Р. Ужастова²

1 - МБУ «Коломенский археологический центр», г. Коломна, Россия

(sasha.syr@rambler.ru, gusewa.violetta2018@yandex.ru)

2- Институт археологии РАН, г. Москва, Россия

(uzastova.96@mail.ru)

Резюме. В ходе проведенных в 2021 г. археологических работ на позднедьяковском селище Усть-Матырка 1 было обнаружено погребение по обряду кремации. Из-за сильного повреждения культурного слоя распашкой невозможно достоверно установить время совершения захоронения. Важной особенностью является то, что погребение было совершено на месте поселения. Подобные случаи были встречены при исследовании аналогичных памятников Средней Оки, и, возможно, связаны с некой погребальной традицией.

Ключевые слова: позднедьяковские памятники, археология Средней Оки, кремация, погребальный обряд.

Селище Усть-Матырка 1 открыто В. Ю. Ковалем в 1993 г., раскопки проводились А. С. Сыроватко в 2005–2009 гг. как позднедьяковского поселения. Работы 2021 г. позволили уточнить датировку слоя поселения. В слое удалось проследить мощное скопление керамики, среди фрагментов обнаружены три полихромные бусины позднеантичных типов (Алексеева, 1975; 1978). Эти находки коррелируют с найденной ранее бляхой типа Алтуховского клада (Тавлинцева, Кренке, 2017) и формами керамики. Керамика отличается по формам и технологии изготовления от расположенного в 1 км к северу Щуровского селища (Сыроватко, Жеребцова, 2017а–б), хотя формально принадлежит к тому же условно «позднедьяковско-мошинскому» набору гладкостенной и чернолощеной посуды: её характерными признаками являются короткие, плавно изогнутые венчики, сглаженные переходы от венчиков к тулову и покатые плечики горшков. Вся керамика изготовлена с применением шамота. Совокупность датировок бус, бляхи и форм керамики (III – нач. IV вв.) указывает на то, что памятник сформировался раньше Щуровского селища. Он заполняет собой промежуток между финалом дьяковской культуры

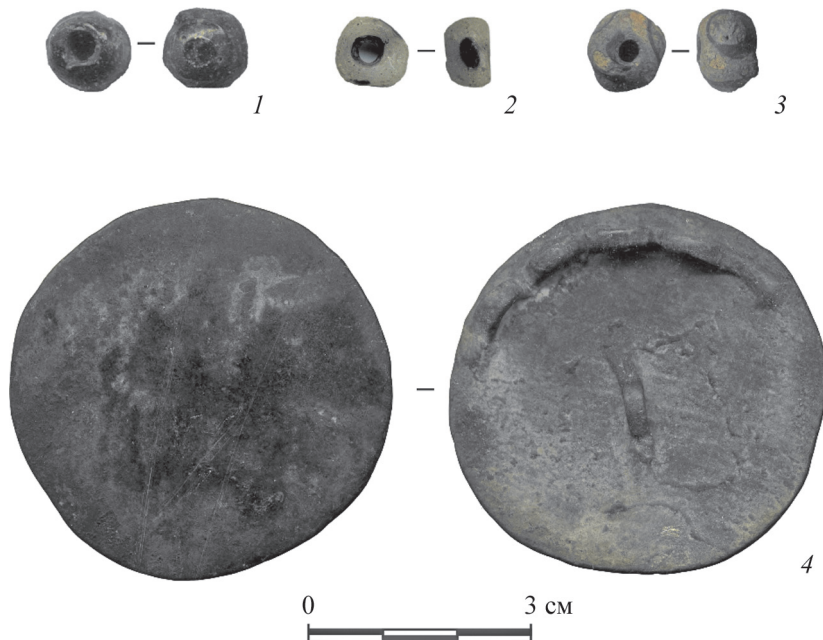

Рис. 1. Датирующие находки из культурного слоя Усть-Матырки1. 1–3 – находки 2021 г, 4 – 2007 г. 1 – темно-зеленая основа, накладной орнамент (желтого стекла?) утрачен; 2 – молочно-белое глухое стекло основы, красно-коричневые глазки; 3 – красное глухое стекло основы, желтый накладной орнамент; 4 – бляха-цепедержатель

(т. н. ППТК – *Лопатина, Тавлинцева, 2017*) и собственно Щурово. Отличия в керамике от ранних комплексов Щурово слишком сильны, чтобы можно было говорить о преемственности двух соседних поселений. Это принципиально важно: памятник явно чужд как предшествующим ППТК (и означает резкую и быструю перемену) так и, скорее всего, более позднему Щурово.

В 2021 г. на селище обнаружено погребение-кремация. Оно представляло собой скопление ок. 15 см в диаметре, средних (1–2 см в поперечнике) осколков, лежащих в один ряд. Находок, которые можно было бы достоверно связать со скоплением, нет. Открытое скопление, несомненно, является остатками «ядра», задетого распахкой. Отметим, что «шлейф» скопления распространен от ядра к югу, что, вероятно, маркирует направление самой распахки. Кости «ядра» залежали на контакте с материком, т. е. первоначальная ямка едва достигала материкового песка, большая часть костей располагалась в культурном слое. Это косвенное указание на то, что погребение более позднее, чем линза культурного слоя. Как и в других могильниках подобного типа на р. Оке, кремация человека осуществлялась вместе

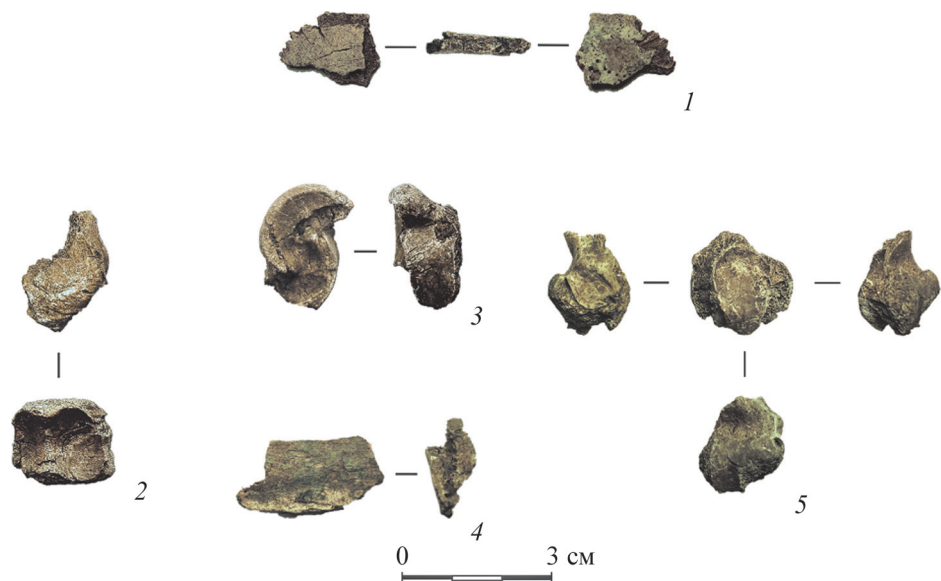

Рис. 2. Кости из погребения на Усть-Матьрке 1.

1 – ф-т черепа, человек (?); 2 – большая берцовая среднего копытного;
3 – астрагал МРС; 4 – ребро среднего копытного; 5 – плечевая среднего копытного

с животными. Обнаружен минимум один фрагмент черепа человека. Среди костей животных были найдены астрагал мелкого рогатого скота и большая берцовая кость среднего копытного, а также фрагмент ребра среднего животного и нижний эпифиз плечевой кости мелкого животного, видовую принадлежность которых не удалось установить.

Самой важной особенностью является то, что погребение обнаружено на месте поселения. Топографически участок террасы, на котором расположен памятник, ничем не отличается от таких же участков выше или ниже по течению р. Оки, однако многолетние усилия обнаружить могильник, который соответствовал бы Щуровскому селищу за пределами поселения, не дали результата. Важно и то, что большинство известных к настоящему времени могильников с кремациями на р. Оке (Щурово 1–2, Соколова Пустынь 1–2) возникли на месте предшествующих поселений, причем хронологический разрыв между поселениями и могильниками либо минимальный, либо отсутствовал. Но если раньше это обстоятельство воспринималось как случайное совпадение либо как поздняя традиция, то новое погребение, подчеркнем, независимо от его датировки, превращает его в устойчивую погребальную традицию. Во всех трех известных нам случаях имела место довольно резкая

смена облика материальной культуры между «периодами поселений» и «периодами могильников». К тому же в Щурово и в Соколовой Пустыни помещение могильников на место поселения сопровождалось смещением самого поселения на более низкие участки памятников. Возникло ощущение новой, возникшей в середине I тыс. н. э., традиции – появление принципа «мертвые выше живых». Открытие погребения в Усть-Матырке 1 демонстрирует, что и в предшествующее время обычай помещать покойников в чужое поселение существовал. Кроме того, становится очевидным, что смещать само поселение вниз относительно могильника необязательно – можно было просто отойти на километр в сторону, но разместиться так же высоко. Следовательно, выбор места под поселение был обусловлен другими соображениями, но вот выбор могильника – странным желанием «колонизации живого места мертвецами».

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М.*, 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука. 94 с., 19 табл. (САИ. Вып. Г1-12/1).
- Алексеева Е. М.*, 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука. 104 с., табл. 20–34. (САИ. Вып. Г1-12/2).
- Коваль В. Ю.*, 1993. Отчет об археологических разведках в Озерском и Луховицком районе Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 17732.
- Лопатина О. А., Тавлицева Е. Ю.*, 2017. Поздняя профилированная «текстильная» керамика городища Ростиславль // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке / Институт археологии РАН. Смоленск: Свиток. С. 345–361.
- Сыроватко А. С., Жеребцова Н. С.*, 2018. Об опыте выделения культурно-хронологических групп позднедьяковского населения (на основании технико-технологического анализа керамики Щуровского археологического комплекса) // Тверской археологический сборник. Выпуск 11 / Под ред И. Н. Черных. Тверь: «Триада». С. 395–406.
- Сыроватко А. С., Жеребцова Н. С.*, 2018. Распределение позднедьяковской керамики разных технологических схем в комплексах Щуровского селища и могильника: новые данные // Тверской археологический сборник. Выпуск 11 / Под ред И. Н. Черных. Тверь: «Триада». С. 407–413.
- Тавлицева Е. Ю., Кренке Н. А.*, 2017. Клад с городища Алтухово // Европа от Латена до Средневековья: варяжский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А. М. Обломского (Раннеславянский мир. Вып. 19). М.: ИА РАН. С. 184–192; цв. вкл.

UST-MATYRKA 1: A NEW BURIAL GROUND WITH CREMATIONS AND ITS ROLE IN UNDERSTANDING THE TRADITIONS OF BURIAL RITES OF THE 1ST MILLENNIUM AD

A. S. Syrovatko¹, V. P. Guseva¹, I. R. Uzastova²

1 – Kolomna Archaeological Center, Kolomna, Russia

(sasha.syr@rambler.ru, gusewa.violetta2018@yandex.ru)

2 – Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(uzastova.96@mail.ru)

The village of Ust-Matyrka 1 was discovered by V. Koval in 1993. In 2005–2009, A. Syrovatko excavated a Late Dyakovo settlement dating back to the 3rd century AD. In 2021, a burial with cremations was discovered in the settlement. Like the cultural layer, it is severely changed by plowing. The preserved bottom of the “core” of bones accumulation does not reach the mainland. The burial pit was entirely located in the cultural layer. Stratigraphy does not give an unambiguous answer to the question of whether the burial emerged earlier or later than the settlement cultural layer, although it is more likely that the burial appeared later. As in other burial grounds of a similar type on the Oka River, human was burned with animals. At least one reliable fragment of a human skull and fragments of bones of small ruminants (?) were found.

The most important feature is that the burial was found at the place of a settlement. Exactly the same situation was typical of the burial grounds of the Great Migration Epoch in Shchurovo and the Sokolova Hermitage. Earlier, this circumstance was perceived as an accidental coincidence or as a late tradition, but now the new burial allows us to consider such a combination as a stable burial tradition. In all cases, there was a rather sharp change in the appearance of material culture between the “periods of settlements” and “periods of burial grounds”. A formulated hypothesis is that the burial grounds were deliberately located at the places of settlements of the previous period, as at the “places of residence of strangers or the vanquished”.

REFERENCES

- Alekseeva E. M., 1975. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of the Northern Black Sea region]. M.: Nauka. 94 p., 19 tabl. (SAI. Vyp. G1–12/1).*
- Alekseeva E. M., 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of the Northern Black Sea region]. M.: Nauka. 104 p., tabl. 20–34. (SAI. Vyp. G1–12/2).*
- Koval' V. Yu., 1993. Otchet ob arheologicheskikh razvedkakh v Ozerskom i Luhovickom rajone Moskovskoj oblasti [Report on archaeological exploration in the Ozersky and Luhovitsky districts of the Moscow region] // Arhiv IA RAN. R-1. № 17732.*

- Lopatina O. A., Tavlinceva E. Yu.*, 2017. Pozdnyaya profilirovannaya «tekstil'naya» keramika gorodishcha Rostislavl' [Late profiled "textile" ceramics of the ancient settlement Rostislavl'] // De mare ad mare. Arheologiya i istoriya: sbornik statej k 60-letiyu N. A. Krenke / Institut arheologii RAN. Smolensk: Svitok, pp. 345–361.
- Syrovatko A. S., Zherebcova N. S.*, 2018. Ob opyte vydeleniya kul'turno-hronologicheskikh grupp pozdned'yakovskogo naseleniya (na osnovanii tekhniko-tehnologicheskogo analiza keramiki Shchurovskogo arheologicheskogo kompleksa) [On the experience of identifying cultural and chronological groups of the late Dyakovo population (based on a technical and technological analysis of ceramics from the Shchurovsky archaeological complex)] // Tverskoj arheologicheskij sbornik. Vypusk 11 / Pod red I. N. Chernyh. Tver': Triada, pp. 395–406.
- Syrovatko A. S., Zherebcova N. S.*, 2018. Raspredelenie pozdned'yakovskoj keramiki raznyh tekhnologicheskikh skhem v kompleksah Shchurovskogo selishcha i mogil'nika: novye dannye [Distribution of Late Dyakovo ceramics of different technological schemes in the complexes of the Shchurovsky settlement and burial ground: new data] // Tverskoj arheologicheskij sbornik. Vypusk 11 / Pod red I. N. Chernyh. Tver': Triada, pp. 407–413.
- Tavlinceva E. Yu., Krenke N. A.*, 2017. Klad s gorodishcha Altuhovo [Treasure from the ancient settlement of Altukhovo] // Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskij mir i rozhdenie slavyanskikh kul'tur: K 60-letiyu A. M. Oblomskogo (Rannelslavyanskij mir. Vyp. 19). M.: IA RAN, pp. 184–192; cv. vkl.

БИРИТУАЛЬНЫЙ МОГИЛЬНИК РЯЗАНО-ОКСКИХ ФИННОВ

Н. А. Биркина¹, Н. Г. Свиркина²

1 – Государственный исторический музей, г. Москва Россия

(dulebova_natalya@mail.ru)

2 – Институт археологии РАН, г. Москва, Россия

(svirkina.natalia@mail.ru)

Резюме. В результате археологических раскопок могильника Городище 2 в 2020–2021 гг. изучено 19 погребений IV–VII вв. н. э. Захоронения содержали останки труположений и трупосожжений. В рамках комплексного исследования памятника проведено антропологическое исследование. Получены новые сведения о кремационных погребениях VII в. н. э. в культуре рязано-окских финнов.

Ключевые слова: культура рязано-окских финнов, погребение, ингумация, кремация, антропологический анализ.

В 2013 г. в Шиловский районный краеведческий музей поступила информация об обнаружении археологических предметов между д. Городище и с. Константиново Шиловского р-на, Рязанской обл. В 2016 г. на памятнике, получившем название могильник Городище-2, проведены разведки под руководством В. Д. Конова. Находки, переданные в музей, позволили отнести некрополь к культуре рязано-окских финнов и датировать его в рамках I–VIII вв. н. э.

Памятник сильно поврежден действиями грабителей, на его площади зафиксировано более 150 ям и повреждений слоя. Кроме того, в XV–XVI вв. н. э. из-за пахотной деятельности образовался овраг, разделивший памятник на две части.

В результате раскопок, проведенных Лесостепной археологической экспедицией ГИМ, в 2020–2021 г., было исследовано 19 погребений, датирующихся IV–VII вв. н. э. Большинство из них содержали останки ингумаций. В центральной части могильника было выявлено пять погребений по обряду кремации VII в., составляющих отдельную группу в северо-западной (западной) части раскопа.

Заметим, что общее количество трупосожжений на памятниках рязано-окских финнов невелико. Всего известно 39 кремаций, из которых 13 датируются V в., 11 относятся к VII вв., 8 – к VIII–IX вв. Все исследованные на памятнике

Городище-2 погребения совершены по обряду кремации на стороне. Могильные ямы отличаются по глубине: одни незначительно заглублены в материк, другие располагались под дерном и не имели фиксируемых очертаний. Состав инвентаря также отличается. В незаглубленных погребениях вещевые комплексы представлены 1–2 предметами.

Благодаря археологическим изысканиям появилась возможность впервые детально изучить серию антропологических материалов (всего 20 костяков) культуры рязано-окских могильников.

Работа с антропологическими материалами осуществлялась как непосредственно в поле, так и в камеральных условиях, согласно принятым методам работы с данной категорией находок (Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях, 2020). Полевой этап был необходим в связи с очень плохой сохранностью костей. От большинства скелетов (без учета кремаций) сохранились разрушенные зубы, реже удавалось фиксировать и изымать из слоя фрагменты черепа и диафизы крупных трубчатых костей, остальные сегменты скелета представлены тленом. Специфика материала в известной степени осложняла не только проведение половозрастной идентификации, но и применение большинства традиционных антропологических методик.

Кремации, найденные на могильнике, совершены на стороне, о чем свидетельствует отсутствие следов кострища. Скопление костей в захоронении представлено либо небольшой кучкой, либо равномерно распределено вдоль могильной ямы. Сожжения высокотемпературные, производились через непродолжительное время после смерти, на что указывает цвет и характер растрескиваний на костях. Масса костей варьирует от десятка грамм до порядка 600. В большинстве случаев можно говорить о присутствии традиции условно полного сбора и захоронения костей. Сожжению подвергались дети и взрослые. Кремации индивидуальные. Только в одном случае зафиксирована кость животного (также сожженная).

На данном этапе исследования мы можем констатировать, что в антропологической выборке Городище 2 отсутствуют скелеты младенцев, что пока интерпретируется неоднозначно (сохранность или традиция?). Не зафиксировано людей старшей возрастной когорты. На зубах отсутствуют патологии. Базовые характеристики кремаций имеют аналогии с трупосожжениями соседних регионов. Присутствуют различия в базовых характеристиках кремации с серией Подболотьевского могильника, который так же, как и могильник Городище 2, ассоциируется с финно-угорским населением: наличие парных и коллективных сожжений, кости животных чаще сопровождают кремационные захоронения (*Зеленцова и др., 2017*). Эти отличия могут быть связаны с малочисленностью нашей выборки так с тем фактом, что кремации могли быть привнесены другим населением. В этот период прослеживаются активные связи с «раннеславянским миром». Выделяются два контактных пути: из Поднепровья или от населения верхневоронежской группы. В пользу этой гипотезы говорят находки различных украшений (фибулы,

подвески, ременные накладки и пр.), характерных для носителей указанных выше славянских групп.

Дальнейшие исследования памятника Городище-2 позволят дополнить информацию как о погребениях, относящихся к этапу расцвета культуры, так и к ее финалу.

ЛИТЕРАТУРА

Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях / Отв. ред. М. В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2020. 112 с., ил. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 11)

Зеленцова О. В., Милованов С. И., Добровольская М. В., 2017. Методические вопросы по обряду кремации на примере раскопок 2012–2014 гг. Подболотьевского могильника // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 249. М. С. 272–287.

BIRITUAL BURIAL GROUND OF THE RYAZAN-OKA FINNS

N.A. Birkina¹, N.G. Svirkina²

1 – State Historical Museum, Moscow, Russia

(dulebova_natalya@mail.ru)

2 – Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(svirkina.natalia@mail.ru)

In 2013, the Shilovsky regional museum of local lore received information on the discovery of archaeological objects between the villages of Gorodishche and Konstantinovo in the Shilovsky district of the Ryazan region. In 2016, exploration, headed by V.D. Konov, was carried out at the site, which received the name Gorodishche-2 burial ground. The finds transferred to the museum made it possible to attribute the necropolis to the culture of the Ryazan-Oka Finns and to date it within the 1st–8th centuries AD.

As a result of excavations carried out by the State Historical Museum expedition in 2020–2021, 19 burials dating back to the 4th–7th centuries AD were examined. In the central part of the burial ground, five burials were discovered according to the 7th century cremation rite, constituting a separate group in the northwestern (western) part of the excavation site. We are to note that the total number of cremations at the sites of the Ryazan-Oka Finns is not large (a total of 39 cremations are known).

It is for the first time that the studies of anthropological materials have been carried out for kurgans of the Ryazan-Oka culture. A comprehensive study of the Gorodishche-2 site would make it possible to supplement information on both burials related to the stage of the flourishing of culture, and to its finale.

REFERENCES

- Metodika raboty s paleoantropologicheskimi materialami v polevyh usloviyah, 2020 [Methodology of work with paleoanthropological materials in the field] / Otv. red. M. V. Dobrovol'skaya. M.: IA RAN, 112 p., il. (Metodika polevyh arheologicheskikh issledovaniy, 11)
- Zelencova O. V., Milovanov S. I., Dobrovol'skaya M. V., 2017. Metodicheskie voprosy po obryadu kremacii na primere raskopok 2012–2014 gg. Podbolot'evskogo mogil'nika [Methodological issues on the cremation rite on the example of excavations Podbolotyevsky burial ground in 2012–2014] // Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii, 249. M, pp. 272–287.

РАЗРУШЕННЫЕ КУРГАНЫ ПО ОБРЯДУ КРЕМАЦИИ X В. НА ТЕРРИТОРИИ ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА: ПОИСК, ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

**В. В. Новиков¹, Е. А. Клещенко², С. Ю. Каинов³,
Г. М. Сагманова⁴, И. А. Савченко**

*1 – ИАЭ РАН, ООО «НИПИИ ЭТ «Энерготранспроект», г. Москва, Россия
(vasily.novikov@gmail.com)*

*2 – Институт археологии РАН, г. Москва, Россия
(malzeva-ekaterina@mail.ru)*

*3 – Государственный исторический музей, г. Москва Россия
(skainov@mail.ru)*

*4 – НИЛ “Междисциплинарных, инновационных и научно-практических
археологических и этнологических исследований” Казанского Федерального
Университета, Казань, Россия
(g_s_17@mail.ru)*

Резюме. Был исследован участок Центрального поселения Гнёздовского археологического комплекса, под слоем которого зафиксированы остатки погребальных конструкций разрушенных более ранних курганов. Зафиксированы погребения по обряду кремации и ингумации. Проведены комплексные исследования кремированных останков, позволившие уточнить границы и центры скоплений костей, а также проследить различия в процентном соотношении видового состава для каждого объекта разрушенных курганов.

Ключевые слова: Гнёздовский археологический комплекс, ранее средневековье, эпоха викингов, биритуальный могильник, кремация, ингумация, комплексные исследования кремированных останков.

В 2018–2021 гг. на территории северо-восточной части Центрального поселения Гнёздовского археологического комплекса был исследован участок поселения общей площадью 370,5 кв. м. (раскопы ЦС–XIX и ЦС–XXIII). Под слоем пахотного горизонта мощностью 35–40 см были прослежены непотревоженные участки культурного слоя, а также серии ям хозяйственных и жилых построек 2-й

половины X – начала XI вв. В ходе исследования было установлено, что культурный слой и ямы перекрывают и частично прорезают остатки разрушенных курганов и погребений более раннего времени.

В результате изучения участка были целиком исследованы два разных по характеру погребения по обряду кремации и два погребения по обряду ингумации, одно из которых было представлено погребением в яме, а другое в камере. Раскопки позволили частично или полностью исследовать не менее 8 ровиков ширина которых колеблется от 120 до 300 см. Естественно-научные методы датирования костных, органических материалов и угля, а также индивидуальный археологический материал позволяет отнести разрушенный могильник к 2-й половине IX – 1-й половине X в.

В ходе изучения заполнения ровиков было обнаружено значительное количество кальцинированных костей, которые связаны с разрушенными погребениями по обряду кремации. Кальцинированные кости также встречены в заполнении отдельных ям, которые прорезали ровики и относились ко 2-й половине X в.

Масса кремированных останков различных объектов раскопов незначительна (за исключением останков ребенка из сосуда, где встречена наибольшая масса костей – 150 грамм). Прослежено различие в процентном соотношении видового состава для разных объектов разрушенных курганов (ям, ровиков).

**RUINED BURIAL MOUNDS ACCORDING TO THE RITE
OF CREMATION AND INHUMATION DATING
FROM THE 2ND HALF OF THE 9TH TO THE 1ST HALF
OF THE 10TH CENTURY ON THE TERRITORY
OF THE GNEZDOVO ARCHAEOLOGICAL COMPLEX.
SEARCH, LOCALIZATION, INTERPRETATION**

**V. V. Novikov¹, E. A. Kleshchenko², S. Yu. Kainov³,
G. M. Sagmanova⁴, I. A. Savchenko**

*1 – ИАЭ РАН, ЕТП “Energotransproekt”, Moscow, Russia
(vasily.novikov@gmail.com)*

*2 – Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(malzeva-ekaterina@mail.ru)*

*3 – State Historical Museum, Moscow, Russia
(skainov@mail.ru)*

*4 – Research Laboratory “Interdisciplinary, innovative and scientific-practical
archaeological and ethnological research”, Kazan Federal University, Kazan, Russia
(g_s_17@mail.ru)*

In 2018–2021, on the territory of the northeastern part of the Central Settlement of the Gnezdovo archaeological complex, there was investigated a site of the settlement with a total area of 370,5 square meters (excavations CS-XIX and CS-XXIII). Under a plough layer 35–40 cm thick, undisturbed areas of the cultural layer were traced, as well as a series of pits for household and residential buildings of the 2nd half of the 10th to the early 11th centuries. In the course of the study, it was found that the cultural layer and pits overlap and partially cut through the remains of destroyed mounds and burials of an earlier time.

As a result of the study of the site, two burials of different nature according to the cremation rite and two burials according to the inhumation rite were completely investigated. One of them was represented by a burial in a pit, and the other in a burial chamber. Excavations made it possible to partially or completely investigate at least 8 ditches, the width of which ranges from 120 to 300 cm. Natural-scientific methods of dating skeletal, organic materials and coal, as well as individual archaeological material, allow the destroyed burial ground to be attributed to the 2nd half of the 9th to the 1st half of the 10th century.

In the course of studying the filling of the ditches, a significant number of calcified bones were found, which are associated with destroyed burials according to the cremation rite. Calcified bones are also found in the filling of individual pits, which were cut by ditches and belonged to the 2nd half of the 10th century.

Научное издание

**Методические аспекты изучения древних
и средневековых кремаций**

Сборник тезисов

Подготовка иллюстративного материала
и изготовление оригинал-макета: В. Б. Степанов

Подписано в печать 30.09.2022. Формат 70×90/16

Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 5,9

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета в...

ISBN 978-5-94375-378-7

9 785943 753787

